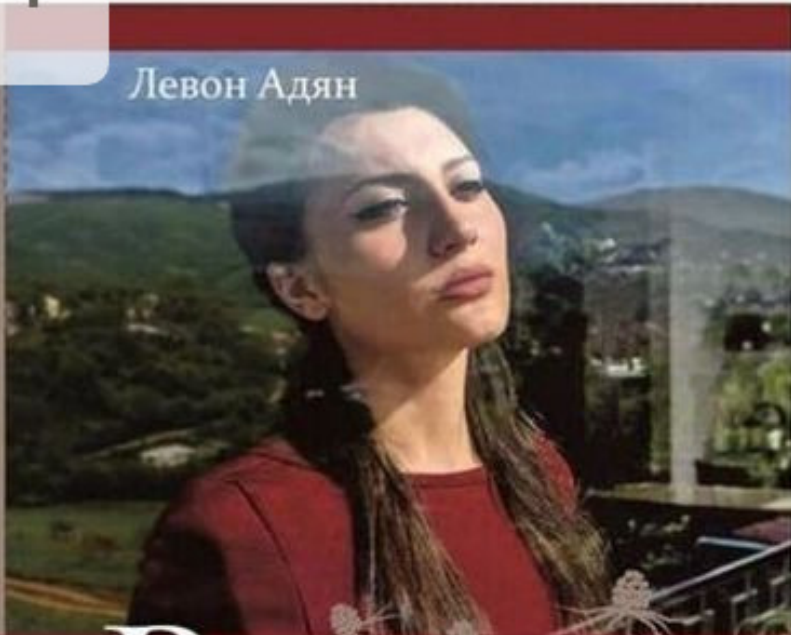

18+

В то далекое лето...

Левон Адян

Левон Адян

В то далекое лето...

Левон Адян

**В то далёкое лето.
Повести, рассказы**

«Издательские решения»

Адян Л.

В то далёкое лето. Повести, рассказы / Л. Адян — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904856-1

В этих рассказах и повестях автор не делит людей на хороших и плохих, на друзей и врагов. Для него все люди — творения Бога, приносящие радость и разочарование; помогающие расти, развиваться, закалять дух... ибо смысл жизни в первую очередь следует искать в духовной категории. С каждой строкой произведений автора мы погружаемся в мир горного края под названием Нагорный Карабах, где со времён Страбона хлеб рождается из зерна, выпавшего с колоска; пчёлы роятся на деревьях, а мёд течёт с листьев.

ISBN 978-5-44-904856-1

© Адян Л.

© Издательские решения

Содержание

П О В Е С Т И	6
ЭПИЛОГ	28
ОСЕННИЕ ХОЛОДА	29
Конец ознакомительного фрагмента.	47

В то далёкое лето Повести, рассказы Левон Адян

© Левон Адян, 2020

ISBN 978-5-4490-4856-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Перевод с армянского Нелли Аваковой

ПАМЯТИ МОИХ СЫНОВЕЙ ПОСВЯЩАЕТСЯ

П О В Е С Т И

ДАЛЕКО В ГОРАХ ПРОЛОГ

Много персиковых деревьев в нашем селе. Деревья эти расцвели сейчас, и цветы их – красно-фиолетовые, купаются в лучах прозрачного весеннего солнца. Повсюду в селе, во дворах, у старых разрушенных строений загорается красочная ярмарка пламенных цветов... Деревья расцвели, и я сегодня впервые увидел, что у персикового дерева, растущего у дороги, ведущей в село, сломалась ветка. Весь день я думал об этом... О том, что ветка эта сломалась, потеряла свою весну, и что она не увидела этих цветов, которые цветут сейчас и будут цвести каждый год, когда придет весна, и персиковые деревья расцветут вновь красно-фиолетовыми цветами... Я долго смотрю в сторону ущелий. Из этих ущелий, извиваясь, дорога входит в село. Там, на её обочине, одиноко и печально стоит раненое персиковое дерево. Я пристально смотрю в эту сторону, и постепенно меркнет мое зрение. Вместо персикового дерева в моих глазах непроглядная мгла, и в этой мгле я вижу Её. Она улыбается мне, но улыбка ее печальна. И я ловлю себя на том, что шепчу ее имя: «Аргина». «Аргина!..» – слышу я собственный голос, но этот голос, словно чужой мне, будто идущий издалека... Однако, в следующее мгновение тает мгла, видение исчезает, и я снова вижу поникшее одинокое персиковое дерево у дороги, ведущей в село, у которого сломалась ветка, потеряв свою весну...

1.

Осень. Я стою на нашем балконе, у открытого окна, и смотрю вниз, на раскинувшиеся на склонах ущелья, и здесь, и там, на холмиках, наше село, которое нарядилось во все цвета осенних красок... Пестрыми красками окрестных девственных лесов и гор покрылась, также, наша маленькая речушка с названием Барак Джур, которая берет свое начало в высоких горах и, зигзагообразно, проходя вниз, делит наше село на две равные части, протекая через поля, овраги и темные леса, течет, теряясь далеко в равнинных азербайджанских деревнях. Прохладный осенний, легкий ветерок играет на макушках деревьев, деревья тихо и нежно качаются, листья долго кружатся в воздухе и, как разноцветные бабочки, порхающие над водной гладью, медленно ложатся в приусадебных садах... Наша золотистая, пушистая кошка Чюча, изнеженная и смазливая, одним прыжком достигает подоконника, садится прямо напротив и, глядя на меня, жалостно мяукает: – Мьяаууу... Пригрозив ей пальцем, говорю: -Чюча, замолчи!, – а потом кричу на неё, – спустись! – Но она не спускается. Повернув голову, смотрит прямо на меня и снова: – Мьяааууу... – На этот раз жалобнее и протяжнее. Ясно, что ей хочется быть со мной, просит разрешения. – Хорошо, не доставай меня, садись, – говорю я. И продолжаю смотреть вниз, на домики под жестяными крышами и прилегающие к ним приусадебные сады, несчетное множество персиковых деревьев, утопающих в убранстве.

Соседский мальчик, Овик, бежит за своим теленком, видимо, хочет загнать в хлев, а теленок, как дурачок, подняв мордочку и задрав хвост, убегает от него. Овик чуть не плачет, потому что солнце уже дошло до макушки горы Кагнахач, тени от деревьев и холмов стали удлиняться. Потом, внезапно небо становится темно-синим, стадо, запыхаясь, забегает в село, поднимая столбы пыли... – Бижум, бижум... – то там, то тут слышится голос Овика, который, протянув руку, идет за теленком, как будто умоляя того послушать его, остановиться. Быстро спрыгиваю с подоконника и бегу на помощь Овику. Не проделав и нескольких шагов, до моего слуха доходит чей-то отдаленный голос. -Абиик... – Окликнули меня, хотя меня, конечно, не Абииком зовут, меня зовут Айрапет. В наших краях не обращают внимания на такие мелочи, Айрапет – удлиненный вариант, поэтому сокращенно называют меня Абииком. Снова кличут меня, и я оборачиваюсь в ту сторону, откуда слышен голос, туда, где дорога, извиваясь, из ущелья ведет

в село и, где на краю дороги, под одиноким персиковым деревом виднеется не то грузовик, не то самосвал, возле которого, видно, что стоят парень и девушка.

Солнце прощальными лучами позолотило вдали леса, а в ущелье сгущаются тени. Какое-то мгновение смотрю на них, на парня и девушку, и не могу их узнать. Легкий ветерок кружит волосы девушки, которые, мне кажется, обязательно цвета меда, а парень снял пиджак, и размахивая им в воздухе, зовет меня. Я не могу их узнать и удивляюсь, зачем они меня зовут?...

Чтобы скорее добежать, я снимаю обувь и по узким улочкам между домами и приусадебными садами, босиком, бегу туда, где стоят девушка, парень и грузовик. Впереди ущелье, которое весной, при таянии снегов, переполняется потоком грязной, пенящейся воды, текущей бурным потоком. Я с разбега спускаюсь в ущелье, на одном дыхании переправляюсь через деревянный мостик, бегу, не обращая внимания на боль в ногах от того, что бежал по мелким острым камушкам... И когда я, выбежав из ущелья, добежал на, довольно близкое, расстояние от одинокого персикового дерева, резко останавливаюсь, потому что у дороги не оказалось ни грузовика, ни парня, который размахивал в воздухе пиджаком. Под персиковым деревом возле небольшого кожаного чемоданчика стоит худенькая девушка в черном лайковом плаще, лицом в сторону ущелий, и тихим голосом поет. Дует слабый ветер. Он несет на своих легких крыльях нежный голос незнакомой девушки:

Скрылась луна за тучами, Поля, погрузитесь в сон... Через поле проходит путь мой, К милому пойду я домой...

Ветер усиливается. Листья персикового дерева дрожат, шелестят. Они вытягиваются по направлению ветра, переворачиваются обратной стороной серебристого цвета. Уже обутой, я встаю вдалеке и не смею идти вперед, а персиковое дерево шумит, как талые воды в ущелье. Голос девушки умолкает, пропадает в этом шуме. Я знаю эту песню. Почти все девушки нашего села поют ее. Возвращаясь с поля, или утром, уходя на работу, они часто поют, и их звонкие голоса льются над широкими полями... Песня о каком-то черноглазом парне и зеленых полях. Песня неплохая, однако, очень печальная. Наконец, я отхожу от мыслей и подхожу к девушке. – Ааа, пришел? – заметив меня выдает девушка, прерывая песню. Она широко улыбается, и так же улыбаясь, медленно подходит ко мне. Мое сердце начинает стучать часто и неритмично. Она берет мою руку в свои теплые ладони. – Как же ты вырос! – негромкий, бархатный голос девушки звучит, как мелодия, – ты стал уже взрослым парнем. Я растерянно смотрю на нее, стараясь вспомнить, где и когда мог её видеть, потому что, внешне, она мне показалась знакомой, но вспомнить так и не могу. Ее волосы блестят, будто позолоченные, светло-карие глаза напоминают небо на рассвете, цвета корицы, виднеющееся за пожелтевшими колосьями. Белокожая, с пухлыми губами, в уголке которых прячется улыбка. Она долго смотрит на меня, ее розовые губы с легкой ужимкой то улыбаются, то выдают удивление и восхищение.

Она мне нравится с первого взгляда, будто я знаю ее очень давно, будто она мне родная, и пришла откуда-то издалека... Я чувствую, как от растерянности вспотел лоб. Для подобных случаев есть очень распространенное предложение, которое спасает людей. Я, также, произношу это предложение, хотя она мне совсем незнакома: – Как Вы? – Отлично, – отвечает девушка, улыбаясь. А, потом, внезапно ерошит мои волосы, – Боже мой, как он вырос, мне даже не верится. А я все стою, вкопанный, как памятник, и молчу. Я, действительно, не нахожу слов... Ну, что сказать сразу незнакомой девушке... Это взрослые могут за минуту придумать тысячу слов, а я... А еще говорит, что стал совсем взрослым парнем. Был бы взрослым, так бы не растерялся. От порыва ветра из густых ее золотистых волос одна прядь падает на лоб. Изящным движением головы девушка откидывает прядь обратно и говорит: – Пойдем? – Пошли! – отвечаю я по-взрослому, беру у девушки чемодан и, молча, иду впереди нее. Чемодан не очень-то и тяжелый, одним пальцем могу его поднять. – А где грузовик? – спрашиваю я, обернувшись к девушке, – здесь грузовик стоял. – Кажется, уехал на гумно разгружаться, наверное,

опаздывал, – безразлично ответила девушка, – люблю ходить пешком. Ну, раз так, пошли пешком. Мне без разницы. Но чувствую, что она что-то от меня скрывает. Интересно, чья была машина? Кажется, Армена был грузовик. Номера не были видны. – А что за грузовик был, не помнишь? – К несчастью, не помню, – искоса поглядывая на меня, прищурившись, улыбается она и, умышленно меняя тему, добавляет, – в другом месте тебя увидела бы, не узнала, Абик, ты очень изменился.

Наверное, за все время моего существования мне впервые не понравилось это – «Абик». Вроде, звучит нежно, но в то же время, есть в этом что-то издевательское. И я говорю: – Меня зовут не Абик. – Как же так? – удивляется она, – а как? – Не Абик. – повторяю я уверенно, и сам не знаю, зачем даже немного сердито. – Меня зовут не Абик. а Айрапет... В моем свидетельстве о рождении так и написано – Восканян Айрапет. Девушка, неожиданно, начинает смеяться. Немного наклонив голову, она смеется радостно и громко. В ее смехе на мгновение тонут шелест листьев и журчание речки Барак Джур. Потом она, прикусив бело-снежными зубами губу, улыбчиво смотрит на меня: – Ты чудесный мальчик, Абик, – наконец выговаривает она... Снова «Абик»... Я останавливаюсь, смотрю на нее. Она, будто, разговаривает с маленьким ребенком. Я хочу повторно культурно напомнить ей мое настоящее имя, но девушка, будто, читает мои мысли: – Нет, – говорит она, – Айрапет длинное имя, мне больше нравится «Абик»... Ее большие глаза блестят непонятым блеском, не то с просьбой, не то с издевкой... Ну, попробуй устоять перед этим взглядом... И я говорю: – Ладно. зови, как тебе нравится., – улыбаюсь откровенно, – тебе можно... – Благодарю, у тебя доброе сердце, Абик. Это невероятно. Теперь уже мне нравится имя Абик. Наверное, я даже обижусь, если она вдруг захочет назвать меня моим полным именем. Нет, очень интересна и удивительна жизнь наша... Я, не чувствуя тяжести чемодана, иду впереди, но не намного, а так, чтобы суметь время от времени тайком поглядывать на нее. Мне неудобно спрашивать у нее, кто она, откуда приехала, и почему позвали именно меня? И кто этот водитель грузовика, откуда он знает меня? Может, из соседнего села? И, все-таки, удивительно... Ничего, если будет нужно, она сама скажет.

Девушка смотрит то в сторону отдаленных гор, куда уже село солнце, то останавливается и, полными слез глазами, смотрит на дорогу, которая выходит из ущелья, погружающегося в темноту. Я тоже оборачиваюсь и смотрю в сторону ущелья. – Воон, Тартарское ущелье, – говорю я, чтобы прервать молчание...

– Где? – девушка слегка касается моей руки, обдавая меня приятным ароматом духов. Она опять привычным движением головы откидывает со лба прядь волос и, напрягая внимание, спрашивает: – Где? Я ничего не вижу. – Отсюда не видно. Вон, посмотри туда. Видишь, там за перевалом глубокое ущелье в густом тумане? По этому ущелью, через леса течет река Тартар. Бывает, с ребятами ходим купаться в реке или ловить рыбу. А по ту сторону Тартара – гора Мрав... Горы и ущелья, поля и леса покрылись нежной вечерней вуалью, временами глухо перекликаются ночные птицы, а там, далеко, как сказочное явление, стоит гора Мрав, купающаяся в последних золотистых лучах уходящего солнца... Девушка долго смотрит вверх бесконечных гор и ущелий в сторону Мрав-сара. – Боже мой, какой красивый край... – сама себе, только губами, шепчет девушка, не отрывая взгляда от горы, и так же, глядя вдаль, говорит: – Удивительно, почему я раньше всего этого не замечала? – Когда? Вместо того, чтобы ответить на мой вопрос, она неожиданно говорит: – Сколько тебе лет, Абик? – Мой отец говорит, что уже не маленький, – пробую я отшутиться. – Ясно, – кивает головой девушка. – Одно время я тоже была не маленькой. Я сейчас тоже не маленькая, так ведь, Абик? Ты согласен со мной? – Согласен, – откровенно улыбаюсь я и не знаю, зачем, говорю: – Наше село красивое. Во всем мире такого села нет. А осенью оно исключительно красивое. – Осенью везде красиво, – говорит девушка. – Не знаю, – пожимаю плечами, – осенью я нигде не был, в школу хожу. Мы входим в ущелье, некоторое время идем молча, где-то, в глубине леса, тоскливо кричит сова, видно, готовится к ночной охоте. Её жуткий крик может, с непривычки, навести на человека

ужас. Может, поэтому, девушка легонько касается рукой моего плеча и вполголоса говорит: – Как ужасно... Это кто так закричал? – Ночная сова, – говорю я безразличным тоном, – ничего страшного нет. А у вас что, нету сов? – Нет, – непонятно, зачем, стонет она. – У нас не бывает. Я родилась очень далеко отсюда, за тысячу ущелий и гор. Ты хорошо знаешь географию? – неожиданно спрашивает девушка. – Конечно, – моментально отвечаю я. – Я родилась там, где самое большое в мире озеро и самое маленькое море. Там есть город, похожий на Неаполь. даже красивее, чем Неаполь. В этом городе я родилась, и у нас не бывает сов. Я долго думаю, пытаюсь угадать название города, где родилась девушка, но ничего не получается. Неловкая ситуация, я даже чувствую, как краснею. Но она этого не замечает, конечно, потому что в ущелье темно. Узкая дорожка ведет на другую сторону ущелья, и перед нами появляется село, со светящимися, местами, окнами, с мычанием коров и окриками людей. – Вот здесь, на холме, наша школа, чуть ниже – клуб, в стороне от клуба и сельского магазина – здание больницы. Наш дом, как раз, возле больницы. – Знаю, Абик, – говорит девушка. Я подозрительно смотрю на нее: " Откуда ей известно все это, и имя мое знает, и где наш дом, тоже знает". Но спросить об этом снова не рискую. А она опять, будто прочитав мои мысли, говорит: – Ведь я же была здесь, Абик. Правда, один раз, но была. И с этого дня прошло уже несколько лет. – Несколько лет? – переспрашиваю я. – Да, я тогда перешла в девятый класс. А ты был маленьким, очень маленьким мальчиком. – А где ты жила? – осторожно спрашиваю я, – у кого? – Конечно, у вас, – улыбаясь отвечает она. – ты что, издеваешься надо мной. Абик? Значит, идем к нам домой... Я чуть не схожу с ума от радости. Потом, она молча углубляется в какие-то свои мысли. Вообще, я заметил, с полуслова она умолкает и, задумавшись, смотрит в неопределенном направлении. Бывает же так? Чтобы девушке не было скучно со мной, я пробую отвлечь ее разговорами: – А весной наша речка Барак Джур разливается, становится бурной, и журчание её раздаётся в горах и ущельях. – Неужели? – задумчиво произносит девушка. – Да, и еще как! Временами, когда начинается таяние снегов в горах, она вырывает с корнями ветхие деревья и несет дальше. А в позапрошлом году в нижней части села река унесла буйвола. Почти все село – стар и млад, бежали вдоль реки, но что они могли сделать?.. – А теперь ничего не уносит? – Сейчас?... – усмехаюсь я, – что должно уносить осенью, сейчас только желтые листья приносит из лесов, да день и ночь шумит в ущелье. Мы на минуту останавливаемся и молча прислушиваемся. Внизу, в темноте, действительно, тихонько, монотонно шумит наша любимая речка Барак Джур, виш-ш-ш-, виш-ш-ш... – Интересно, – произносит девушка с тем же задумчивым видом, но я ясно вижу, что ей не интересно ни то, что наша речка весной разливается, в себе приносит снесенные деревья, и ни то, что осенью она мелеет и спокойно журчит среди камней. И, действительно, что интересного есть в этом? Для того и река, чтоб разливаться и бурлить. Я быстро меняю тему разговора. – Тебе ведь нравится наше село?

– Да, красивое село, окруженное полями, лесами, горами... Сказочно красиво. – Весной еще красивее, – радостно говорю я, потому что вижу, что она снова проявляет интерес к нашему селу, – Деревья цветут, в садах переливаются птицы, из леса доносится радостное вещание кукушки... Девушка, внезапно, оборачивается, показывая на поникшее одинокое персиковое дерево, растущее у главной дороги в село, под которым недавно стояла и говорит: – Это персиковое дерево также цветет? – Еще как! – оборачиваясь, отвечаю я. – в селе, как раз, первым расцветает это дерево. – И ты, конечно, обрываешь цветущие ветки, – говорит она. Честно говоря, в жизни я с этого дерева не оборвал ни одной ветки. Зачем мне? Но не знаю, почему. я говорю: – Да, обрываю. Очень красивые цветы на нем, красно- фиолетовые. Обрываю, в основном, те ветки, на которых больше цветов... Девушка смотрит на меня, не то разгневанно, не то с досадой: – И тебе не жалко? – Что? – меня чуть не раздрает смех. – Дерево, – глядя прямо на меня, с опозданием признает девушка, – Абик, дай слово, что отныне ты с этого дерева никогда не оборвешь ни одну ветку! Ведь эти ветки тоже хотят жить, – добавляет она, долго глядя на персиковое дерево, виднеющееся вдали сквозь сумерки, – они также любят

жизнь, любят весну. Когда ты обрываешь эти ветки, они теряют свою весну. Понимаешь, они умирают навечно, и больше никогда не смогут увидеть те цветы, которые появляются каждый год, когда наступает весна и деревья снова цветут... Впервые слышу, что персиковые деревья тоже хотят жить, и будто они тоже любят весну. Очень удивительно. Но тут я вспоминаю: случается, просто топором ударишь по стволу дерева, и сразу течет вода с места удара. Кто знает, может, деревья тоже плачут, а эта вода – и есть их слезы... Я обещаю, что никогда впредь я не трону ни одно дерево, в частности, одинокое персиковое. Хочу еще что-нибудь сказать в этом направлении, но уже поздно. Потому, что дошли до наших ворот, и наша собака Чалка, хлопая большими ушами, бросается к

нашим ногам, от радости кидается из стороны в сторону, кувыркается на земле, издавая какие-то звуки. – Не забыл меня, – ликует девушка, наклоняется и обнимает Чалку. Чалка, наклонив голову, не моргая, смотрит на нее, хвостом метет землю, от радости снова кувыркается. Совсем одурел. Мы входим во двор, и я зову: – Маам... Тут открывается дверь на веранду, и на лестнице появляется мама, с собранными в узелок волосами на голове. – Ты где это, сынок? Однако, мать не успевает отчитать меня, на мгновение удивленно смотрит на девушку, которая со мной вошла во двор, и быстро спускается по лестнице. Я смотрю то на девушку, то на мать. – Аргина... – мама, протянув руки вперед, не сдерживая слез, обнимает девушку, – моя любимая, моя родная девочка, каким ветром тебя принесло в наши края? Удивительно... По щекам девушки, также, текут слезы. Невозможно понять этих женщин, вообще, они плачут даже тогда, когда, наоборот, нужно смеяться. – Абик, – тут же поворачиваясь в мою сторону, говорит мама, – быстро беги в контору, найди отца, скажи, пусть идет домой. Я срываюсь в сторону здания сельсовета, которое не так уж и далеко от нашего дома. – Скажи, пусть идет домой, – кричит вслед мне мама, – скажи, Аргина приехала из Баку. Значит, этот город – Баку... И как не смог догадаться. И еще сказал, что хорошо знаю географию. Какой позор...

2.

В нашем селе нет девушек по имени Аргина. Я впервые слышу такое имя, и оно мне безмерно нравится. Мне нравится не только ее имя, но и то, что она постоянно улыбается, и ее улыбка искренняя, приятная и немного с грустинкой... Я смотрю на противоположную гору, склоны которой утопают в дремучих лесах. Поднимаясь из ущелья Матур, они доходят до самого неба. Смотрю долго, и, вдруг, мне кажется, что далеко-далеко, за тысячи гор и ущелий вижу тот незнакомый и красивый город, в котором родилась Аргина.

Да, в нашем селе нет девушки по имени Аргина. С изящной фигурой, со светлым лицом, излучающим нежную красоту и очарование, с белоснежным рядом зубов и розовыми губами, она, будто, спустилась с небес. Такой красивой девушки не только в нашем селе, наверное, во всем мире нет. Я всех девушек нашего села сравниваю с Аргиной, хочу найти среди них одну, которая, хоть немного, была бы похожа на нее, но не нахожу. Такой, как Аргина, нет. «Виш-ш-ш, виш-ш-ш...» – напевает наша речка Барак Джур свою заунывную старинную песню, и из лесной глуши, время от времени, ей отзывается ночная сова – протяжно и печально... Опираясь локтями о перила веранды, я тихо прислушиваюсь к ночным голосам. В саду, еле заметно, качаются деревья, в ночной тишине я ясно вижу, как листья, кружась в воздухе, медленно опадают на землю... В глубине сада, не то у ограды в кустах ежевики, не то под деревьями, перебивая друг друга, беззаботно и непрерывно поют сверчки..

Смотрю на небо... на нем сегодня звезды немыслимо яркие и крупные. Большая круглая луна медленно плывет над бездонными ущельями, над лесами и горами, освещая весь мир своим серебром... – Папа, – спрашиваю я, – Луна дальше или Баку? Отец смеется: – Ты уже взрослый парень, и тебе стыдно задавать такой глупый вопрос. – Почему? – Посмотри на небо, что ты видишь на нем? – Звезды. – Еще? – Луну. – Верно. А Баку видно? – Нет. – Ну, теперь иди и хорошенько подумай, что дальше. Мой вопрос, наверное, был сложным, потому что ответ моего отца оказался еще сложнее... я ничего не понял из сказанного им. Отец любит

говорить загадками. Нашел время философствовать... Со стороны высокой горы Кахнахач раздался выстрел. Луна от выстрела вздрогнула на куполах деревьев и снова продолжила свой путь в темно-синем небе. Там, далеко, на дальнем склоне Кахнахача, выстрел повторился. Наверное, браконьеры... Я все время думаю об Аргине. Вспоминаю, как ее алые губки с колдовским выражением произносят армянские слова, совершенно не похожие на наше наречие, как смотрят ее большие красивые глаза, пронизывая насквозь до глубины души, как улыбается, как ходит. Я, откровенно, не могу не думать о ней... потому что для меня, даже произносить ее имя, – уже большая радость... Аргина надела синее платье, которое ей очень идет. В ней она обворожительна. Я ей говорю: – Ты стала еще красивее. – Правда? – смеется Аргина и берет мою руку в свои теплые ладони, улыбаясь, говорит: – Деревенский воздух мне идет... Отец тоже безмерно внимателен и любезен по отношению к Аргине. Во время обеда, сидя за столом, я каждый раз, наблюдая исподтишка, замечаю, как он теряется, встречаясь со взглядом Аргины, радостная улыбка не сходит с его лица, а глаза блестят улыбчиво. В таком хорошем настроении я вижу отца только в праздничные дни и чувствую, что сегодня тоже для него праздник, может, даже, очень большой. Я чуть не схожу с ума от любопытства, потому что, в конце концов, не знаю, кто такая Аргина и зачем она приехала к нам домой. Не лето же, чтоб отдыхать. – Дорогая Аргина, нет в мире ничего дороже и слаще дружбы, – говорит отец, повторно наливая рюмку и медленно поднимаясь с места. У отца привычка такая, как выпьет одну рюмку, начинает подряд предлагать тосты. – Чего встал, сидя говори, – без злого умысла замечает мать и наливает густое ежевичное вино себе и Аргине. – Нет, Арус, ты не знаешь, по новому закону тамада должен говорить свое слово стоя. – Да, дружба очень дорогое и сладостное понятие, жизнь без дружбы, без друзей, будто, мир без ясного солнечного света. Дружба приумножает нашу радость и наполовину уменьшает горечь нашей жизни. Даже болеть приятно, когда знаешь, что есть люди, которые ожидают твоего выздоровления, как радостного праздника. Твое здоровье, Аргин... – Не понимаю, сколько можно пить за здоровье Аргины? – с поддельным удивлением спрашивает мама. – Господи, что за характер у нее? Я что, не имею права голоса, зачем мешаешь? Когда ты говоришь, я тебе мешаю? Я тебе не мешаю, нет? Будь добра, ты мне тоже не мешай.

Когда отец говорит, трудно догадаться, где он шутит, а где говорит серьезно. Сейчас, конечно, шутит. Вроде, обидевшись на мать, он переходит на сторону Аргины. – Добро пожаловать, дорогая Аргина. Ты решила работать в нашем селе. Очень хорошо сделала, мы искренне рады тебе. Но, прежде всего, ты должна всей душой полюбить свою

работу, посвятить себя этому, потому что нет больше удовольствия, чем посвятить себя любимой работе. Я, например, люблю свою работу. – Отец уже чувствует себя на седьмом небе, – около десяти лет я ответственен за животноводство всего колхоза. – Хорошо, что сказал, а то подумали бы, что ты хозяин села, – спокойно перебивает мама и тайком подмигивает Аргине. – Ну, иди не пей... – смеется отец и одним глотком выпивает тутовую водку. – Сам тут и тутовая водка имеют целебные свойства, – продолжает он. – Поэтому Карабах – страна долгожителей. Я тебе расскажу одну историю, послушай. В Карабахе один очень старый человек сидит на обочине дороги и плачет. «Что случилось», – спрашивают, – «Старший брат меня избил», – отвечает. Удивляются... Он такой старый человек, и у него есть старший брат. – «Почему избил?» – спрашивают. – «Когда отец вошел, я не встал» – отвечает. Аргина от души смеется.

– Дорогая Аргина. в этом огромном мире не нашелся человек, кто бы понял меня. Вижу, ты меня понимаешь... Он хочет снова налить водки, но неосторожным движением руки роняет бутылку и пока мама успевает ее поймать, водка выливается на скатерть, распространяя на всю комнату резкий запах тутовки. – Очень хорошо, – говорит мама, смеясь, – больше нормы не пей. – Арус, сегодня можно, – говорит отец, смотря на Аргину, – сегодня исключительный день, у нас дорогой гость. Иди, принеси другую бутылку. И, между прочим, – добавляет он, – я

не шучу, туговая водка, действительно, имеет большое целебное свойство. С помощью Аргины мама меняет скатерть, тарелки снова раскладываются на столе. Мама идет на кухню за водкой. Используя подходящий момент, я также бегу на кухню. – Мам, – говорю я, – мам... – Что Абик, дорогой? – Мам, Аргина нам кем приходится? Мама с удивлением смотрит на меня: – Ты с ума сошел, сынок, – улыбается она.

– Совершенно нет, – отвечаю я и, как доказательство того, что я не сошел с ума, как и полагается нормальному человеку, продолжаю тихим басом: – Мам. Неужели, не зная чего-то и спрашивая – это признак сумасшествия? А мама улыбается и говорит с подозрением: – Потом, Абик, потом расскажу, сейчас времени нет, – и сует мне в руки бутылку

водки, – это отнеси, а я принесу горячую хашламу.

3.

Сегодня воскресенье. Солнце едва поднимается из-за противоположных гор. Воздух свежий и прозрачный. Село находится в тени, потому что солнечные лучи пока не спустились в наши ущелья. Я смотрю в сторону горы Сарнатун, где уже взошло солнце. То тут, то там заливаются ранние птички, звонко кукарекут петухи, там, внизу, возле родника, кто-то из девушек начал петь, потом девичий голос затих, потому что Максим завел трактор, и песня затерялась в гуле мотора. Мама кормит кур, разбрасывая горстями корм по двору, как сеяльщик

разбрасывает зерно во время сева на пшеничном поле. И при каждом движении руки мамы наша дурная Чалка прыгает в кучу кур, разгоняя их в стороны. Тихонько, чтобы не разбудить спящую в соседней комнате Аргину, я на цыпочках спускаюсь во двор, чтобы умыться под умывальником. Мама мне кое-что рассказала уже про Аргину. И я, почему-то, люблю её еще больше. Мама говорит, что Аргина очень похожа на свою мать Диану, по её словам, самую очаровательную женщину на свете. Она еще рассказала, что после окончания медицинского института ровно три года с тетей Дианой они работали вместе в одной больнице и были, как родные сестры, и до сих пор не забыли друг друга. – Аргина ее единственная дочь, – говорит мама, – ей уже двадцать один год и в этом году она окончила педагогический институт. А ты, что, сам не помнишь Аргину? – неожиданно спрашивает она. – Нет, мама, откуда мне помнить? – Она была у нас дома... и это было, будто, вчера. А, ведь, несколько лет прошло... Тогда еще школу не окончила, по-моему в восьмом классе училась. Или в девятом, не помню. С мамой приехала. Потом мама уехала, а она оставалась у нас около двух месяцев. С короткой стрижкой, красивая, целыми днями крутилась в саду, прислушиваясь к пению птиц, бегала, а Чалка бежала за нею. – А Чалка за ней? – спрашиваю я смеясь, сам не зная, зачем... Я готовлюсь задать следующий вопрос, однако на балконе в длинном бархатном халате появляется Аргина. – Ой, какое чудесное утро, – говорит она, широко раскрывая руки, будто пытаюсь обнять этот большой и прекрасный мир, освещенный лучами утреннего солнца. – В нашем селе каждое утро чудесное, – с гордостью говорю я. Аргина, прищурившись, мечтательно смотрит в сторону далеких гор, а мне, не знаю почему, кажется, что она в этот миг, мысленно, находится в своем красивом, приморском городе, который находится отсюда за тысячу гор и ущелий. Честно говоря, мне самому моя эта мысль не нравится.

– Ваш город, наверное, очень красивый? – усмехаюсь я, глядя на мгновение туда, где гора упирается в небо. – Очень, – произносит Аргина, даже не обращая внимания на мой тон. – А почему ты приехала сюда? – спрашиваю я с любопытством и, невольно, смотрю на маму. Мама с укоризной качает головой, мол, постеснялся бы. Пусть с опозданием, но я тоже жалею, что задал глупый вопрос. А Аргина молодчина, совершенно не обижается. Она, как прежде, беззаботно улыбается и с нежностью ерошит мои волосы.

Мама поднимается в дом, наверное, готовить завтрак. – Как идут твои дела в школе, Абик? – спрашивает Аргина, неожиданно, – хорошо учишься? Вопрос, действительно, неожиданный, но я ни на грамм не растерялся, потому что у меня есть готовый ответ (все взрослые задают этот вопрос, сами не зная, зачем, а у нас ответ готовый на всякий случай). – Отлично, –

говорю я. – А как у тебя с русским языком? – не отстает Аргина. Если снова скажу «отлично», она мне не поверит, потому что, даже, при произношении она почувствует, что в моих словах немного не хватает соли... что делать, в таких случаях врать не могу, хотя, конечно, чтобы выходить из подобных глупых ситуаций, иногда не помешало бы. И я говорю: – Ничего, между «тройкой» и «четверкой»... – Вот это уже не дело, – недовольно качает головой Аргина. Я тоже понимаю, что «не дело», но что могу сказать... Тем не менее, спрашиваю с наивным видом: – Почему? – Геройски объявляешь «отлично», а по русскому языку... – Специально не ставят, – отвечаю я азартно-вызывающе. Это старый и проверенный способ. Все ученики в мире так говорят, когда «пятерка» или «четверка», говорят, получили, а когда «тройка» или «двойка», говорят, поставили. И громко добавляют, что учили на «пятерки», но не ставят. Есть такие, которые верят. Но Аргина, кажется, не верит мне и с хитрой улыбкой говорит: – С завтрашнего дня русский язык у вас буду преподавать я. Вот тебе новость! Она не то, что на учительницу, она похожа на десятиклассницу. Я не верю своим ушам. Чувствую, как неритмично и часто стучит мое сердце в груди, будто, сейчас выскочит. Но я не смею произнести что-либо вслух. Какая-то непривычная робость одолевает меня. И на это есть причина – зачем придумал, что я, будто, отличник? Ведь она завтра же узнает, что я не то, что отличник, а наоборот. Но уже поздно что-либо изменить. Не зря отец любит повторять: «Слово, как птица, вылетит – не поймает» Я вынужден изменить тему разговора, чтоб она не вернулась к моим школьным делам. – Ваша мама врач? – спрашиваю я.

Да, – на мой неожиданный вопрос отвечает с удивлением Аргина. – Она терапевт в республиканской больнице. – А Ваш отец? – просто так, спрашиваю я. Аргина снова с удивлением смотрит на меня, пытаюсь понять, какую цель преследуют мои бессмысленные вопросы. – А зачем тебе? – спрашивает она, наконец. Конечно, ей не скажешь, зачем задал эти вопросы, поэтому я молчу. – У меня нет отца, – после паузы отвечает Аргина, – он был бортмехаником в гражданской авиации. В одном из очередных полетов двое из пассажиров, вооруженные, вошли в кабину пилотов и заставили нарушить границу. Мой отец и стюардесса погибли, но бандитам не удалось перейти государственную границу. В стороне от приусадебных садов, в ущелье, очень тихо журчит и стонет наша речка Барак Джур, издавая печальный звук «виш-ш-ш, виш-ш-ш-ш...» Как будто понимает все... – До сих пор мама смотрит на небо при отдавленном звуке летящего самолета. – Почему? – Наверное, ждет... О чем можно говорить после этого, я не знаю. Аргина, видимо, понимает мое положение. – Ты жалеешь меня. Абик? – спрашивает она. – Да, – говорю я, не решаясь взглянуть на Аргину. – А вот этого, как раз, не нужно, – мой отец погиб в борьбе с бандитами. Ты меня понимаешь. Абик? – Да. Боже мой, что за глупость? Неужели я не могу сказать ничего, кроме этого бессмысленного «Да»... Взрослым, конечно, легко, за минуту найдут нужное слово и скажут. Скорей бы я тоже вырос... – Ты уже большой мальчик, Абик, должен все понимать. Я чуть не кричу, ведь все понимаю, но не могу выразить свое мнение. Но я, как прежде, как заведенный попугай. Повторяю: – Да... Внезапно Аргина с нежной улыбкой произносит: – Ты любишь меня, Абик? – Конечно. – я еле сдерживаюсь, чтобы не закричать от радости. Аргина воодушевленно берет меня в свои объятия, прижимая голову к себе. От ее нежности, от близости её благоухающего тела сердце мое разрывается от счастья, и чтобы, хоть как-то, выразить это, я говорю: – Ты обязательно полюбишь наше село. – Я его и сейчас люблю. – А почему ты приехала, именно, в наше село? – После института нужно три года проработать в районе. Это обязательно. Без этого диплом не дают. Я посоветовалась с мамой и попросила комиссию по распределению направить меня в ваш район, а потом сюда. В районном отделе по образованию я сказала, что хочу работать в вашей школе. Добрые люди не отказали, и вот я здесь. – Значит, ты могла бы не приехать к нам? – Со страхом в голосе спрашиваю я. – Конечно, могла бы, – улыбаясь, отвечает Аргина. – Я могла бы остаться в аспирантуре, я ведь окончила институт с отличным дипломом. С нашего курса многие поехали в горные селения. Мы обещали писать друг другу.

4.

Человек не может представить, как быстро проходят дни, как дни переходят в недели, а недели – в месяцы. И вот, снова осень, и снова наш Хндзахут оделся в желтый наряд. То тут, то там на ореховых деревьях клюют вороны, и с орехом в клюве летят вниз над зелеными осенними пшеничными полями. Снова от ветра колышутся персиковые деревья. И наша речка Барак Джур, по-прежнему принимая последние лучи солнца, блестит, переливается светло-сиреневым цветом, и, извиваясь, проходит через леса, поля и сады, по-прежнему, журчит она в темных бездонных ущельях. Солнце поднялось и уже дошло до зенита, откуда, вероятно, виден весь мир. Перекинув школьный ранец через плечо, я иду домой. В последнее время, не знаю, почему, стараюсь возвращаться домой один, мне так нравится. У меня под ногами шуршат сухие листья. И под это шуршание в моей голове рождаются разные мысли. Я думаю о том, что вот уже год, как Аргина живет в нашем доме. Нет, удивительно быстро прошел этот год. Целый год... Отец, по-прежнему, работает в колхозе. Утром, чуть свет, садится на коня, едет на фермы, а возвращается поздно вечером или в полночь. Случается и так, что увозят скот в райцентр, тогда он на день-два остается там. Мама так же, если привозят тяжело больного, остается в больнице. Потому что, правда, наше село маленькое, но больница межрайонная, обслуживает, также, жителей близлежащих маленьких деревень и часто тяжело больных привозят оттуда. Аргина всегда возвращается из школы раньше меня. Когда звенит последний звонок, я стремглав бегу домой, потому что Аргина не любит, когда я где-то задерживаюсь. Поэтому не задерживаюсь. Сам удивляюсь себе: за этот год я полностью переменялся, как говорит мама, сразу стал образцовым мальчиком. После уроков прихожу прямо домой, мы сразу садимся обедать. А если мамы дома нет, Аргина одна не обедает, ждет меня. Выходит на балкон, сидит там и ждет. И всегда радуется, когда я иду. Вроде, ничего радостного нет, я же не с неба спускаюсь, но нет, радуется, и все. Когда вижу её, тоже радуюсь, хотя не так уж это показываю. Только улыбаюсь и больше ничего.

Но, иногда, мне так хочется сказать ей, что я все время думаю о ней. Но, непонятно, почему, не осмеливаюсь. Наверное, думаю, что выглядит смешно... или как. И, все-таки, без Аргины мне очень грустно. Летом, когда на каникулы она уехала в Баку, мое сердце чуть не лопнуло от тоски. А последнюю ночь до утра не смог уснуть, до рассвета беспокойно крутился в постели. Интересно, пока не знаешь человека, она живет для себя, ты – для себя, и вот, встретив случайно, она становится тебе родной, даже, может, больше, чем родной, и тебе кажется, что не сможешь больше жить без нее, причем, удивляешься тому, как ты жил без нее до того... Мама говорит, что Аргина навсегда останется в нашем селе. Аргина сама как-то сказала: " Я из этого села никуда не уеду. Навсегда останусь у вас... У меня такое ощущение, что я здесь родилась. Нет, я это не поменяю ни одно место в мире.» Честное слово, я чуть не таю от радости, слыша эти слова. Странная вещь: с тех пор, как Аргина стала жить у нас, парни нашего села стали относиться ко мне по-другому, не знаю, почему. но это, действительно, так, не раз замечал. Может, повзрослел на год, от этого? Даже тракторист Максим, который раньше не разрешал садиться на сиденья плуга или сеялки, сейчас, заметив меня, сразу останавливает трактор, уменьшает звук мотора: тик- тик, тик... Высовывая голову в окошко Максим, улыбаясь, смотрит на меня и пальцем подзывает к себе. Я, конечно, подхожу. Он кладет свою огромную руку мне на плечо, (от тяжести его руки у меня чуть колени не прогибаются), и задает свой первый вопрос: – Ну, как твои дела, Абик? – Ничего, – отвечаю. – Конечно, – говорит он следом и одновременно, мечтательно вздыхая, смотрит в сторону скалы Сарнатун, – конечно, почему должно быть иначе?... – Максим улыбается. У него такая улыбка, что кажется, вот-вот, заплачет. От смеха можно обалдеть. Но я, конечно, не смеюсь, иначе, он так двинет, что большим куском от меня останется ухо. Я с наивным видом говорю: – У тебя очень красивый трактор. Он внимательно смотрит на меня – шучу или нет? И задает второй вопрос: – Правда? – Да. Ни у кого такого трактора нет, – говорю. Максим с гордостью смотрит на меня. – Сейчас появились

хорошие японские тракторы, – говорит он и смотрит на вспаханную им пашню. – Но они не для наших мест, они для равнинных местностей. Разве здесь могут выдержать японские тракторы, корни ореховых деревьев тянутся на километр. – Что такое японский трактор по сравнению с твоим? – говорю я в ожидании самого главного вопроса Максима. – А ваша Аргина знает, что у меня такой трактор есть? – наконец, спрашивает он, краснея до кончиков ушей.

– Конечно, знает, – бессовестно вру я. Лицо Максима сияет от удовольствия. И он, неожиданно произносит:

– Хочешь, научу тебя водить трактор? – и, не ожидая ответа, берет меня за подмышки и поднимает в кабину, устраивая возле себя, командует: – Держи рычаг, вот так. Ногу поставь вот сюда. Молодец. Нажми педаль и медленно отпускай. Вот так, молодец! Трактор гудит, выпуская дым, движется вперед, пластами выворачивая черную землю. От счастья у меня захватывает дух, я быстро смотрю по сторонам: жаль, но никто не видит. Завтра расскажу в школе, не поверят... – Ну, как твои дела? – в оглушающем реве трактора и в лязге плугов еле слышу вопрос Максима. Я помню, что пару минут назад он задавал такой же вопрос, тут же отвечаю: – Как прежде. – Конечно, тебе хорошо, – кричит Максим. – Отчего бы тебе быть плохо?... Говорю,

конечно, хорошо... – Услышал... Ты мне скажи, как увеличить скорость? – Нельзя, испортишь, – на мгновение, внимательно, посмотрев назад, говорит Максим. И вместо того, чтоб увеличить скорость трактора, он останавливает его, снижает обороты мотора, озабоченно глядя на меня из-под густых бровей, с глубоким вздохом выговаривает: – Мне кажется, Абик, что во всем Карабахе такой девушки, как Аргина, нет. – Конечно, какой может быть об этом разговор, – по-взрослому отвечаю я. Мне нравится тон моей речи. Как равный с равным, прямо смотрю на Максима, выжидая, что он скажет. Максим снова вздыхает и, будто, выполняя тяжелую работу, говорит со стоном: – Как раз плохо, что такой, как она, нет. – Почему? – удивляюсь я. – Не знаю. Если б не была такой красивой, может, удостоила бы своего внимания. По-моему, в этом вопросе Максим совершенно не прав. Я-то знаю, что Аргина ко всем относится одинаково внимательно. – Она со всеми любезна. – Гмм, со всеми? – Конечно. Со мной не станет говорить. Был бы образованным, хотя б, может, удостоила бы... но сейчас – нет, не станет. – Как это, не будет говорить? Будет, я же знаю. – Не знаю почему, но я как-то жалею Максима. Про себя, точно, решаю, что придя домой, обязательно поговорю с Аргиной об этом, потому что, в общем, он парень неплохой, хотя в прежние времена близко не подпускал к трактору. Между прочим, Максим в нашем селе самый молодой тракторист, а этим летом, работая на колхозном самоходном комбайне «Нива», он, почти, не приходил домой ни днем, ни ночью. В основном, его заслуга, что колхоз, первым среди горных селений, закончил зерноуборочную страду. – А как учишься? Наверное, хорошо? – спрашивает Максим. Будто, ему очень нужна моя учеба. Не о чем говорить, что ли? – Да, – говорю и вижу, что он слушает меня краем уха, мысли его в другом месте. – Не хватало, чтоб ты плохо учился, – добродушно улыбаясь, говорит Максим, – наверное, Аргина занимается с тобой. – Ага, приходи к нам, с тобой тоже будет заниматься.

Максим смеясь, легонько хлопает меня по плечу: – Хорошо. Абик-джан. Я отстаю от плана. Сейчас бригадир придет и станет надоедать. От меня передай привет..., – говорит он и сразу добавляет растерянно. – нет, не нужно, вдруг обидится.

И не только Максим... все-все изменились по отношению ко мне. Сапожник Меружан, который улыбается раз в двадцать четыре часа, сейчас, когда видит меня, непременно, подходит ко мне, и его маленькие глазенки начинают бегать: – Это где ты, Абик-джан, тебя совсем не видно? – Где я должен быть, дядя Меружан, – говорю, – дальше нашего села, где могу быть? Я всегда здесь. Меружан ворошит землю кончиком туфли, видимо, мои слова ему кажутся обидными.

– Такого молодого парня, как я, дядей называешь, Абик? – говорит он. – А как называть, дядя Меружан? Меружан на меня смотрит таким взглядом, что, будь это в иное время, дал бы мне подзатыльника и сказал: «Айда!» Но сейчас он говорит строго: – Больше, чтобы я не слышал, как ты меня называешь дядей, Абик. Этим ты, как будто, берешь острый нож и вонзаешь в мое сердце. Мне трудно понять, почему такое простое и привычное слово – дядя, Меружану кажется острым ножом. Я хочу поговорить об этом, но Меружан неожиданно спрашивает: – У Аргины, наверное, нет обуви, да? – Как нет? – говорю я. – У нее новые туфли, недавно купила. – Я сказал, может, нет? – Имеет. И несколько пар. – Эти туфли не изнашиваются, что ли, принес бы, я бы обновил. И она бы увидела, что у меня золотые руки. Честно говоря, этот Меружан никогда мне не нравился. Может, поэтому его последние слова бесят меня. – Нет, говорю, никогда не изнашиваются. – Значит, не изнашиваются, – не отстает Меружан. – Да, – почти кричу я, – не изнашиваются, потому что она всегда покупает новые. – Так не пойдет, Абик. Камнем по сердцу мне не бей... Я не знаю, о чем он, и жду, что скажет потом. И он говорит: – Ты был моей надеждой, Абик. Думал, Абик мне, как младший брат, поймет меня. Вот тебе новость... Удивительный человек – этот Меружан, иногда такое скажет, курам на смех. А он продолжает своим надоедливым голосом:

– Э-э-э, откуда пришла, жили себе спокойно в этих наших ущельях... «Опять же, живи, кто тебе мешает?» – говорю я про себя и молча шагаю к дому.

5.

Целый год... Действительно, прошел целый год? Со школьным ранцем через плечо я возвращаюсь из школы домой. Маленькая деревянная мастерская Меружана находится между конторой колхозного правления и сельским магазином, недалеко от нашего дома, моя дорога проходит мимо мастерской. У этого Меружана отвратительная привычка, если попал к нему на крючок, выхода нет. На этот раз хочу пройти незамеченным, чтоб он не начал старую песню. Но нет... По всей вероятности, в узкое окошко мастерской Меружан видит меня. Быстро выходит из мастерской в черном кожаном фартуке, со слащавой улыбкой на лице, в глазах лукавые искорки. – Здравствуй, Абик-джан, – говорит он тем же слащавым голосом. Куда деваться, вынужден остановиться. – Здравствуй, – говорю я. – Это где ты, тебя совершенно не видно? Как же врет, в день два раза, не считая, конечно, воскресенья, я прохожу здесь, раз в школу, раз обратно из школы домой. Но ему все равно, хоть миллион раз пройди, все равно, он будет петь свою песню: " Это г- д- е т- ы, т- е -б -я с- о- в- с- е- м н-е в-и-д-н-о?" С чего-то должен начинать... Я, конечно, не отвечаю. Не скажу же, как не видно, вот же, я, стою перед тобой. – Недавно прошла... Как горная лань, прошла и ушла... Знаешь ту песню: " Как лань в горах, пришла и ушла, то здоровалась со мной, и то забыла..." – тоскливым голосом говорит Меружан, – это что за красота у нее, Абик... Бог свидетель, когда смотришь на нее, независимо от себя, представляешь счастливый, сказочный мир и жар-птицу. В библиотеке взял, прочитал про эту птицу... Я смотрю на Меружана и балдею: я только сейчас замечаю, что один его глаз смотрит налево, другой направо. Я с трудом сдерживаю себя, чтобы громко не рассмеяться. – Что теперь нам делать, Абик? – говорит Меружан, не знаю, зачем, понижая голос.

– В каком смысле? – в свою очередь спрашиваю я. – Что скрывать от тебя, Абик, ты – моя надежда. – Ничего не понимаю. О какой надежде речь? – Помнишь, я тебе говорил об этом? Ты – моя надежда, моя последняя надежда. – Меружан садится на буковое бревно, лежащее здесь же с прошлого года, и пугливо озираясь по сторонам, продолжает тихим голосом, – клянись моим здоровьем, Абик, если даже меня будут убивать, будут вешать, я все равно, не смогу вырвать ее из моего сердца... не смогу. Понимаешь, после того, как я ее потеряю, терять мне больше нечего... Я не виноват, что люблю, люблю, как сумасшедший, Абик джан, я пьян без вина... – Как можно не выпив, опьянеть? Такого не бывает. – Ты мою мысль не понял, Абик джан. Я ничего не говорю... Она меня не знает, ну и что с того, что здороваюсь – отвечает. Это не то... Ты же можешь ей пару слов замолвить за меня. – Что, например?

– Ну, что тебе сказать, – Меружан на минуту всматривается в сторону далеких лугов., – Можешь многое сказать: слава Богу, не беден, работаю и неплохо зарабатываю. Девушек много, если позову, любая за меня пойдет бегом. Но, нет, Аргина другая, с высшим образованием, красивая, хорошо зарабатывает, я ее один волос не променяю на всех девушек нашего села... Скажи, стоит в очереди за „Жигули“, скоро купит его, – Меружан снова озирается вокруг. – Послушай, Абик. ты это сделай, и я тебе в ответ такое доброе дело сделаю, что всю жизнь будешь мне обязан. – Не понимаю, что я должен сделать? – Сейчас, сейчас, Абик джан, сейчас скажу тебе. Понимаешь... Нельзя ли, например, один раз, вечером, вместе с ней, беседуя, прогуляться в сторону ущелья? Но так, чтоб не было ни души, а то, смотришь, начнутся сплетни... У меня есть очень важный вопрос, хочу с ней его обсудить... Если это сделаешь, Абик джан... «Он хочет похитить Аргину», – сиюминутно приходит мне на ум. Даже от такого предположения у меня захватывает дух. – Хочешь похитить Аргину? – говорю я. – Да. – быстро вскакивая с места, отвечает Меружан. – Что мне от тебя скрывать, Абик джан, я договорился, через горы Кагнахач на коне отвезу в Арачадзор, родственник есть там у меня, оставлю ее у них, а потом все просто, в наших селах таких случаев было немало... Помоги мне в этом вопросе, Абик джан, до гроба не забуду твое добро. – Как тебе не стыдно? – почти кричу я, чувствуя, как за мгновение, мои глаза наполняются слезами. – Я сейчас пойду и всем, всем расскажу об этом. Меружан внезапно бледнеет, оглядываясь вокруг и пытаясь улыбнуться, испуганным голосом говорит: – Какое похищение, о чем ты? Пошутил я... Ты что, шутки не понимаешь? Я быстро, не оглядываясь назад, бегу к дому.

6.

Не доходя до дома, возле сеновала, слышу голос Аргины. Оборачиваюсь. На обочине дороги стоит она с группой десятиклассниц, весело беседует, смеется. Домой идти не хочу. Сажусь в тени сеновала в ожидании Аргины. Она продолжает что-то рассказывать девочкам, и они дружно хохочут. Честно говоря, не знаю, почему мне не нравится, что Аргина так близка с девочками. Ну, и что, что она их классный руководитель. Мне кажется, что она специально для них создала кружок «Любить и защищать родную природу». Ну, конечно, чтобы все время быть вместе. Иногда, смотришь, соберутся возле нашего дома и начинают чирикать, как воробьи. Случается, что они прогуливаются по полям села или организуют поход в сторону гор и возвращаются после захода солнца. Однажды, даже, Аргина со своим классом поехала в областной центр на какое-то представление. Я не спал ту ночь, просто лежал в постели и ждал, пока они вернутся. И только после этого уснул.

Слава Богу, наконец, Аргина прощается с девочками. – Ну, до завтра, девочки, – говорит она, направляясь к дому. Аргина идет легкой, величавой походкой, движением головы откидывая назад непослушные волосы. Недалеко от нашего дома, под кровлей старого здания сельсовета, где в последние годы колхоз сушит табачные листья, сгрудившись, стоят женщины-табачницы и беседуют, внимательно глядя на Аргину. – Смотри на эту безбожницу, какая красивая. – Глаза красивые, нос красивый, ротик красивый, отлично сложена, ахчи, разве может уснуть ее увидевший? – Так не смотри, она, как раскрытая роза, счастлив тот, за кого она пойдет. – Не есть, не пить, просто любоваться ею. – Ахчи, пусть счастливой будет, пусть судьба будет красивой. Разве наша Размела менее красивой была? А где она сейчас? В ущельях села Газанчи с кучей детей на шее. – Эээ, красивые девушки редко бывают счастливыми. У меня нет настроения, чтобы слушать их. Аргина меня замечает лишь во дворе.

– Ты почему так задержался, Абик? – спрашивает Аргина с привычной любезностью. – Небольшое дело было, – говорю я, пряча взгляд. Но, по-видимому, мое лицо было слишком искаженным, поэтому Аргина перестает улыбаться. Мы молча поднимаемся домой. Дома Аргина говорит: – Что-то случилось? – Нет, – говорю я.

– Может, с кем-то подрался? – Нет. – Плохо себя чувствуешь?

– Нет. Она подходит, обнимает меня за плечо. – Скрываешь от меня? У меня глаза наполняются слезами и, неожиданно для себя самого, я выдаю: – Меружан хочет тебя похитить.

– Кто? – спрашивает Аргина, и я вижу по ее лицу, что она еле сдерживает смех. Это меня успокаивает – Меружан, – говорю, – сапожник Меружан. – И я начинаю ей рассказывать про Меружана, про Максима и про остальных парней села, одновременно наблюдаю, какое впечатление производят на нее мои слова. В ее больших карих глазах многозначительное выражение, Аргина внимательно слушает меня, то кусая белоснежными зубами алые губы, то, когда удивлена и шокирована, смотрит на меня, приоткрыв очаровательный ротик. И я не могу понять, она сердится, или в душе радуется моим словам. Наконец, вопреки моему ожиданию, Аргина, внезапно, начинает громко и радостно смеяться. – Из-за этого плачешь? – спрашивает она, перестав смеяться. – Да, – киваю головой я. – Не бойся, меня никто не похитит. – Значит, ты ни с кем никуда не пойдешь? – Нет, конечно, только с тобой, Абик. На летние каникулы я возьму тебя с собой в город.

– Туда, где в мире самое большое озеро и самое маленькое море?

– Да, и ты увидишь, что он похож на Неаполь, и даже красивее Неаполя, – говорит Аргина, улыбаясь только глазами, – я покажу тебе все достопримечательности нашего города и, еще, тот двор в армянском районе города – Арменикенде, где я родилась. Все наши соседи были армянами, иначе я бы армянского языка не знала. А потом получили новую квартиру в микрорайоне. Ты ведь поедешь со мной? – Конечно, а ваш город красивее нашего села? Аргина немного думает, потом говорит: – Не знаю, Абик. Наверное, город имеет свою красоту, село – свое.

Далеко, высоко, очень высоко в небе, медленно плывут серые тучи. Их тени плывут над полями, лесами и над селом. Потом тени сгущаются, и небо вмиг чернеет. В саду и внизу, в глубине ущелья, птицы мгновенно прекращают свои сладостные песни. Весь мир постепенно мрачнеет, ущелья погружаются в темноту, далекие горы пропадают в тумане. – Сейчас будет гроза. – говорю я. Аргина, прищурившись, смотрит на небо. И в это время синеватая молния зигзагом делит небо пополам, на короткое мгновение осветив окружающие горы, утопающие в лесах. То тут, то там раскинувшиеся на склонах гор овраги и луга, потом, сначала спокойно, дальше усиливаясь, небо начинает так грохотать и дрожать, что кажется, одновременно начали палить из тысячи орудий. Аргина в испуге кидается ко мне, я смеюсь, глядя на нее. Она тоже улыбается, хотя знаю, что ей вовсе не до смеха. Наверное, боится грома и молнии. – У нас в городе почти не бывает гроз – будто оправдываясь, говорит она. – И даже, когда бывают, не так часто и не так сильно. – В наших горах много дубов. Это дубы притягивают молнии. В действительности, я не знаю, насколько это правда, потому что я сам об этом нигде не читал. Если откровенно, однажды, в горах мы попали под град, и отец моего друга Овика, дядя Ерванд, сказал, чтобы мы не прятались под дубовые деревья, они часто притягивают молнии. И, действительно, два года назад на краю села молния ударила и разделила на две части очень старый дуб. Целую неделю дуб дымился, тлел потихоньку. Почему-то, никто не осмеливался подойти к горящему дереву. Вместе с ветром об землю ударяются первые, крупные капли дождя, потом сразу начинается проливной дождь, который сильно бьет по кровле дома, по двору, по посуде для воды, откуда пьют куры.

Приятно стоять на балконе и смотреть, как вода по водосточной трубе, журча, льется на землю: слушать, как усилившийся от дождя поток речки Барак Джур, бешено бурлит в низине, в туманном ущелье, слышать в разных концах села тревожные окрики людей. видеть понурые от дождя одиночные деревья, мокрые поля, привязанную кем-то лошадь, которая молча стоит и ждет окончания дождя. – Знал бы, что пойдет дождь, позвал бы Овика. – В шахматы поиграть? – спрашивает Аргина. – Что еще можно делать в такую погоду, кроме, как играть в шахматы? Или ты не хочешь, чтоб я его звал? – Дурачок. Как я могу не хотеть? – удивляется она. Про Овика я спросил умышленно, потому что все село такого мнения, что Овик неисправимый парень, даже один раз хотели его исключить из школы. Однако Аргина,

а также вожатая Нвард, оказались категорически против. Они выступили на педсовете и строго осудили тех, кто был за исключение Овика. В этот день я был дежурным, после уроков, проходя по коридору, я услышал из учительской голос Аргины и, невольно, остановился: «Я бы хотела еще раз напомнить всем тем, кто требует обязательного исключения Овика Захаряна, напомнить, что, даже в самый трудный, самый тяжелый момент жизни нельзя терять веру в человека, тем более, если человек в возрасте Овика, потому что безразличие по отношению к человеку безвозвратно толкает его в пропасть, – голос Аргины звучал убедительно и уверенно. – Легко исключить ученика из школы, но неужели мы, учителя, после этого имеем право прямо смотреть в глаза его родителям, в глаза людям, и просто, имеем ли мы право жить, дышать и пользоваться дарами жизни, если нас больше не волнуют горе и радость, не то что всех людей, а ученика нашей школы?»

Я бы с удовольствием еще послушал Аргину, но в другом конце коридора, откуда ни возьмись, вдруг выскочила уборщица Варсеник и жестом дала понять, чтоб я убирался от учительской. А вечером дома Аргина сказала маме, что неисправимых людей в жизни не бывает.

Честно говоря, мне эти слова очень понравились, потому что Овик, не смотря на все его недостатки, неплохой парень, мы с ним с первого класса до сих пор дружим. Аргина тогда, еще, сказала, что она сделает все, чтобы Овик стал одним из образцовых учеников школы. Это тоже мне бесконечно понравилось. И теперь, заговорив об Овике, я хотел узнать, не забыла ли Аргина о своем обещании, не изменилось ли ее отношение к моему другу? Нет, не изменилось. Иначе, зачем она должна была говорить: – Как дождь перестанет, позови Овика. Овик позавчера тоже был у нас. Они с Аргинкой некоторое время занимались оформлением школьной стенгазеты, а потом сыграли несколько партий в шахматы. Аргина проиграла все эти партии. Это было очень удивительно, потому что Аргина в шахматы играет отлично. Но, потом, она сказала, что у нее есть определенная цель. Я не понял, какую цель может преследовать умышленный проигрыш, и ничего не сказал. А Овик, этот тупица, радовался, как теленок и восхищался. Дождь постепенно прекращается, солнышко, мокрое от дождя, высовывается в углу неба и улыбается. Вдалеке, над горами, перекинулась тонким мостиком цветная радуга, похожая на змеиную чешую, а еще выше, касаясь горных вершин, уже расходятся тяжелые тучи. Я выбегаю на улицу звать Овика.

7.

Потом, неожиданно, наступила зима. Все четыре месяца беспрерывно валил снег, дороги закрылись, стали непроходимыми, отрезав наше маленькое горное село от внешнего мира. Лишь в последние дни марта солнце стало греть землю, вначале холмы, а потом поля и сады. Над селом и дорогами поднимался пар – испарение обильного снега и сырой земли. Снег быстро таял, как и каждый год весной, традиционно запенилась, забурлила наша речка Барак Джур, неся сверху, со стороны гор, выкорчеванные деревья, мелкие камни. И день и ночь, без устали рычит, бурлит в темном ущелье. В середине апреля уже не было снега, осталось только воспоминание о его обилии. Из дальних стран вернулись ласточки, весело закружили над нашим домом. Где-то, в дальнем углу сада, в кустах, запел соловей, ему откликнулась из ущелья мать-кукушка. Не знаю, отчего, вчера целый день у меня не было настроения, а сегодня утром, измерив мне температуру, мама положила на стол какую-то таблетку и наказала мне из дома никуда не выходить, лежать в постели, пить теплое молоко, приняв эту таблетку. Теперь я лежу в постели, а часы проходят так медленно. Я по одному считаю школьные звонки, ожидая конца уроков. Скоро придет Аргина, и мое сердце наполнится светом и нежностью. Во дворе шумно открывается калитка железных ворот. «Это Аргина» – радуюсь в уме. Шаги поднимаются по ступенькам, медленно открывается балконная дверь, в дверях показывается Армен с большим букетом сирени. Войдя, он заметно теряется, как видно, он не ожидал в такое время застать меня дома. – Ты что, Абик, не пошел в школу? – Нет, – говорю, садясь на край кровати. – У меня ангина.

– Простыл, наверное, – говорит Армен, неуверенно оглядываясь по сторонам. – Наверное, – говорю, – мамы дома нет, – добавляю я, глядя на букет цветов. – Да, – произносит Армен растерянно, – а я думал, она дома. Смешно, когда взрослые теряются. Я, например, никогда бы не растерялся, где бы ни был. – Нет, ее дома нет, – повторяю я, – сегодня она работает в первую смену. – Интересно, – произносит Армен, стараясь не смотреть в мою сторону. – Кто мне сказал, что видел, как она шла домой, значит, я неправильно понял...

Я думаю, что, наверное, кто-то из его родственников лечился у мамы, он пришел поблагодарить ее. Но почему не пошел в больницу, а пришел домой? – Значит, эти цветы ты принес маме? – спрашиваю я, но голос мой, по-видимому, звучит иронически, потому что Армен, как-то странно, смотрит на меня. Потом говорит:

– Абик джан, это нужно поставить в воду, а то сразу завянут. Найди посуду, сам поставлю. Я быстро нахожу трехлитровую пустую банку, наливаю водой и передаю ему. После небольшой паузы Армен, заглядывая в соседние комнаты, негромким голосом спрашивает:

– Где Аргина? – Пока не пришла из школы.

– А когда придет, не знаешь? – Аргина? Она уже должна была прийти, не знаю, почему задерживается. Наверное, сейчас придет. Хочешь, подожди? – Нет, нет, – разводя руками, говорит Армен, – в другой раз, сейчас мне срочно надо ехать в райцентр. Если тебе не трудно, Абик джан, как только Аргина придет, передай ей эти цветы. Хорошо? Он меня принял за маленького ребенка. Не пройдет. – Постой, а разве ты не маме принес их? – говорю я, а сам от сдерживаемого смеха чуть не лопаюсь. – Ничего, Абик джан, Аргина сама отдаст маме. – Хорошо, – говорю и, не моргая, смотрю ему прямо в лицо. – Как придет, отдам ей. Да, она сама увидит. Армен направляется в сторону балконной двери. – Когда еще пойдем в Тартарское ущелье? – спрашивает он, оборачиваясь у двери. – Когда скажешь, – улыбаюсь я. После его ухода, оглядываясь на цветы. Действительно, красивый букет. Видно, что у него неплохой вкус. Это первые цветы этой весной. Наверное, Армен принес их из Тартарского ущелья, потому что у нас сирень еще не расцвела. Не знаю, почему, но из всех парней нашего села больше всех мне нравится Армен. Может, потому, что он чересчур культурный и уравновешенный парень, в селе со всеми, от мала до велика, любезен. Не знаю... Он высокого роста, широкоплечий, черноглазый, чернобровый, при разговоре слегка улыбается, при этом на его правой щеке появляется едва заметная ямочка. После армии он работал в колхозе водителем, а в прошлом году, когда на реке Тартар началось строительство водохранилища, пошел туда. Работал на самосвале. В последнее время водит машину начальника строительства. На той машине часто приезжает в село. Армен даже отцу моему нравится. «Армен золотой парень, – однажды сказал отец в присутствии Аргины. – Куда бы ни поставить его, будет блестеть, как золото. Отец его тоже был хорошим человеком. С войны вернулся с несколькими ранениями, два года помучился, умер. Теперь сын занял место отца, не зря говорят, что из фиалковых корней вырастут фиалки.» Не произнося ни слова, Аргина внимательно слушает отца. – Я не прав, Арус? – обращаясь к матери, внезапно спрашивает отец.

– Правильно говоришь, – мама таинственно смотрит на Аргину. – Армен хороший парень. – Я старый человек, а старые люди имеют право учить, советовать. Говорю же, мой отец не может жить без загадок. Кто бы спросил его, какой же ты старик? – Это Вы – старик? – улыбаясь глазами, говорит Аргина, искоса глядя на отца. – Аргина джан, ты меня молодым не видела, – довольный словами Аргины, улыбается отец, – нет, сейчас старый, не подбадривай меня, не обманешь. Когда человек близится к пятидесяти, значит, старый... А ведь эта глупая молодость так быстро проходит... Я скажу тебе, дочка, это пространство, которое разделяет старость от молодых лет, очень короткое, старость наступает неожиданно, как снег. Утром встаешь и видишь, все вокруг белым-бело. Отец Армена, правда, умер, но сын позаботился о семье, о сестрах, не сбежал в город, как другие, на легкую работу, остался в селе, на глазах у матери, а теперь, вон, привез стройматериалы, хочет построить двухэтажный дом.

– И, одновременно, учится заочно в автомобильно-транспортном институте, – добавляет мама.

– Дай Бог ему здоровья. Достойный сын таким и бывает. Человек своими делами ваяет себе памятник, который будет стоять столько, пока солнце не замерзнет, – довольный сказанным, отец победоносно смотрит на всех нас и продолжает: – вон, видите эти звезды? Есть звезды, которые давно погасли, но они продолжают светить нам, освещают нашу дорогу. Настоящий человек похож на такую звезду: его, к сожалению, нет в живых, но дело, оставленное им, живет, другим освещает дорогу. До меня, – продолжает отец, – сельским ветеринарным врачом был Вачаган, из соседнего села Колатак. Расположено это село прямо у реки Хачен, но он давно жил здесь. Царствие небесное ему, какой был честный человек, чистая душа, в наших селах не найдешь человека, кому бы он не сделал добра. Мир держится, вот, на таких людях... В нашем селе был и другой Вачаган... Нет, не Вачаган, Вагаршак, – засмеялся отец, -тихий, спокойный был человек, жил себе, опустив голову. Если с ним не заговорить, целыми днями мог молчать. Во время войны попал в плен, три года находился в немецких концентрационных лагерях, лет десять потом здесь, в наших лагерях мучился. Как-то из района приехал человек, инструктором райкома был, спрашивает Вагаршака: "Как ты жизнь свою прожил, дед?" – «Не считая немецких лагерей, ни одного хорошего дня не видел», – говорит Вагаршак. Прямо смех... У Вагаршака была дочь, ее звали Размела, такая красивая, что глядя на нее, останавливалось дыхание: волосы золотокудрые, а глаза, глаза... Вышла замуж в деревню Газанчи, мужа зовут Манташ, – растерянно оглянувшись вокруг, отец сказал. – Да, о чем я говорил? – Про Манташа, – сказала мама. Но мне показалось, что она сказала это иным тоном, потому что отец растерялся еще больше и сказал:

– Нет, не про Манташа... Да, вспомнил, про отца Армена, хороший был человек, очень хороший был человек, Армен весь в него. Аргина, также, небезразлична к Армену, я это заметил давно. Мы, даже, вместе однажды поехали в Тартарское ущелье посмотреть на строительство водохранилища. Туда поехали на «Виллисе» Армена. Как только мы спустились к реке в ущелье, словно спускаясь с гор, редкий туман расстелился над рекой, и солнечные лучи, проходя через него, отражались в реке, и вода в ней блестела, переливалась в лучах осеннего солнца. Там и тут, слева и справа от дороги, какие-то парни продавали в ведрах кизил и орехи. Завидев машины, поднимали ведра вверх. Аргина сидела на переднем сиденье, рядом с Арменом, а я, оставшись на заднем сиденье один, прилипал то к одному окну, то к другому. Это было незабываемое путешествие в сопровождении зажигательной музыки из магнитофона. Высовывая голову из машины, я с интересом наблюдал горные склоны, утопающие в солнечных лучах, девственные леса и прозрачный Тартар, окрашенный в разноцветье гор. Увлечшись разговором, Армен и Аргина почти забыли про меня. Они о чем-то непрерывно говорили, смеялись, и, несмотря на сильный встречный ветер, я слышал обрывки их веселого разговора. Армен вел машину на большой скорости, что мне очень нравилось. Дорога стремительно уходила назад из-под колес, а ветер беспрерывно свистел, фу-ш-ш-ш... – Медленно езжай, Армен, – просит Аргина, легонько касаясь плеча Армена, – не видишь, повсюду ухабы? – Боишься? – улыбается Армен, на мгновение поворачиваясь к Аргине. Его рука ложится на ее руку, и его пальцы нежно сжимают их. Он в этот момент вел машину только левой рукой. – Смотри на дорогу, ты же можешь нас скинуть в ущелье. – Моя машина знает, кто здесь сидит, она такое не сделает. – Все равно, на дорогу смотри. Ты, что, впервые меня видишь? – Нет, конечно, но каждый раз, когда вижу тебя, мне кажется, что в первый раз, и каждый раз влюбляюсь с первого взгляда. Знаешь, мне достаточно было увидеть тебя одно мгновение, чтобы потом не забыть целую жизнь.

– И когда это было?

– Когда ты еще школьницей впервые приехала к нам. С того времени. Всегда вспоминаю – Поэтому тебе хочется меня похитить и увезти на далекую-далекую планету? – смеется Аргина. – Да. Точно, догадалась. Решил похитить. Шеф мой добрый старик, он обязательно

отдаст машину. – А зачем похищать... когда я согласна?.. – глаза Аргины таинственно сверкают, и улыбка рождается на ее пухлых губах и расходится по всему лицу. – Я согласна, – поворачиваясь в сторону Армена, говорит Аргина, – Похищай меня, но не на этой машине. На твоём старом грузовике. Увези меня на далекую-далекую планету. Армен задумчиво смотрит на Аргину, улыбается. – Ты знаешь, в последнее время... только не смейся над моими словами, хорошо? – Говори, смеяться не буду, – отвечает Аргина. – Неужели я когда-нибудь смеялась над твоими словами? – То, что я чувствую в последнее время, похоже на то, что чувствуют в религиозном экстазе верующие. Смешно, но я свой грузовик, который списан и брошен в одном углу гаража, забыть не могу. Не могу забыть по той причине, что на нём впервые привез тебя в село. Иногда, ловлю себя на мысли о том, что хочу зайти в гараж, втайне от всех, встать перед ним на колени и боготворить, как идола. Я представляю Армена, стоящего на коленях перед старым грузовиком и молящегося, и, честное слово, еле сдерживаюсь, чтобы не расхохотаться. И кто это говорит – Армен... Нет, я поменял мнение о нём. Я бы, вместо Аргины, не стерпел, прямо потерял бы сознание от смеха. А она... А она и не думает смеяться, смотрит на Армена с интересом и вниманием, будто ждет, что он еще заговорит. Неужели ей, действительно, нравится это безрассудство? Ничего не понимаю. А Армен продолжает свое. – Смешно, наверное... – Совершенно, нет. – Каждый раз, проезжая по большой дороге, ведущей в село, мимо понурого персикового дерева, где ты впервые вышла из грузовика, чуть притормаживая машину, я говорю: «Привет, старик, ты даже представить не можешь, как я рад, встречая тебя на своем пути.» Я это говорю вполне серьезно. Ты не веришь мне? Смейся надо мной, но поверь. – Верю... Господи, неужели можно поверить в такой бред? Если даже меня станут вешать, все равно, не поверю. А Аргина верит. Удивительно, очень удивительно... Подожди... о каком персиковом дереве речь?! На большой дороге, ведущей в село, понурое персиковое дерево... Значит, Аргина в то время в село приехала на его грузовике. Вот, почему Армен так быстро уехал... Не хотел, чтобы кто-то видел. Как это я не узнал его машину? В то время тоже, помню, грузовик оказался мне знакомым. Но издалека не смог точно определить – Армена машина, или чужая. Да, я многое понял тогда, в Тартарском ущелье. Наблюдал строительство с фундамента плотины, а, заодно, в дороге подтвердились все мои прежние подозрения.

Пышный букет сирени ждет на подоконнике, и я тоже с нетерпением жду Аргину. Я слышу на лестнице ее легкие шаги. Сердце мое, почему-то, начинает быстро колотиться. Волнуюсь, наверное. Аргина входит со светлой улыбкой на лице, своим приподнятым настроением заряжая меня. – Ну, как ты себя чувствуешь, Абики? – Ничего, неплохо, – говорю я, улыбаясь, и взглядом показываю на подоконник. Аргина тоже смотрит в ту сторону. – Это что за чудесные цветы, кто принес? – последние слова она произносит почти шепотом. Я делаю вид, что ничего не заметил и говорю с невинным видом: – Меружан. – Кто? – у Аргины глаза даже округляются. – Меружан, смеюсь я, сапожник Меружан.

Аргина берет букет и неожиданно достает оттуда свернутую бумажку – записку Армена. Я приблизительно даже предполагаю, что там написано. Вместо того, чтоб писать письмо, нужно было пойти в школу, вызвать Аргину и сказать ей то, что нужно. Тупой! Нет, наверное, не хотел идти в школу. Я притворяюсь, что даже представления не имею, что там может быть написано. Аргина раскрывает бумажку и тихим шепотом спрашивает: – Так, значит, говоришь, кто принес? – Оба от души дружно смеемся, и я незаметно для Аргины, заглядывая в записку, читаю: " Прости, срочно уехал в Мартакерт. Вечером жди. Твой Армен." После чего Аргина говорит пониженным шепотом: – Абики, ты никому не скажешь? – Не бойся, не скажу. Даже маме не скажу, – обещаю я. А потом, тем не менее, не выдержав, спросил? – Армен, действительно, твой? – Что-о? – Он там пишет: «Твой Армен». – Прекрати, Абики. Стыдно тебе. Зачем читаешь чужие письма? – И, Боже мой, как она покраснела. Как маленькая девочка.

– А он разве чужой? – теперь таинственно улыбаюсь я. Аргина смотрит на меня строго, но я вижу, что она совершенно не сердится на меня, ее губы раскрываются, как роза в капель-

ках росы, от теплого прикосновения солнечных лучей, и улыбка расплзается по ее очаровательному лицу.

8.

Потом небо сразу потемнело, постепенно на село стал опускаться вечер. Это то время суток, когда колхозники возвращаются с работы. Все село наполняется веселыми окриками, в одиночку и группами люди начинают собираться на лобном месте – демонстрировать свое остроумие, а председатель колхоза Габриел Балаян, как и все, с сигаретой во рту, стоит на открытом балконе колхозного правления и сверху посылает команды в разные стороны, то, словно, сердясь, то внезапно с хохотом хлопает кого-то, из стоящих рядом, по спине. Это еще и то время суток, когда медленно раскачиваясь, с пастбищ возвращается стадо, и, не то от тоски, не то с голоду, во дворах жалобно мычат телята, из разных дворов доносится ленивый лай собак, в темном лесу начинает кричать ночная птица. Мама подоила корову, и я, как всегда, позволил нашему дурному теленку вдоволь пососать пахнущее цветами молоко матери, потом загнал теленка в хлев, к овцам, а корову привязал во дворе, к врытому в землю железному колышку. Кур загнал на насест, приготовил ведро похлёбки из вареного картофеля и ячменной муки, вылил в корыто и дал свиньям, которых откармливаем, и только после этого побежал домой готовить уроки. Постепенно сгустилась темнота, которая медленно поднялась из ущелий и вошла в село. Скоро улицы и дома погрузились в нее. Аргина надела свое новое небесно-синее платье, которое купила недавно, и которое ей очень подходит, и вышла из дома... Теперь, сидя у окна, я жду ее. Луна, как долька дыни, неподвижно повисла над горой Сарнатун. А Аргины нет и нет. Вскоре и луна, наверное, тоже, устав от того, что долго стоит над горами, уходит, исчезает за ними. Будто, в ожидании этого, из ближайшего леса тоскливо зовет сова. Словно, по команде, неожиданно, начинают трещать сверчки, чётко слышится монотонный шум речки Барак Джур – виш-ш-ш, виш-ш-ш... – Мам, когда вернется Аргина? – спрашиваю я. – Когда вернется, тогда и вернется, ты-то чего беспокоишься? – Удивленно смотрит мама. – Как это, почему беспокоишься? – Взволнованно отвечаю я. – Она же давно ушла. – Наверное, гуляет. – Так поздно? Я вдруг представил, как в ночной непроглядной, кромешной тьме бесшумно, тайком к Аргине подкрадывается сапожник Меружан, закрывая ее рот пропахшей кожей ладонью, похищает её и уводит её в горы.

– Слушай, Абик, это тебя касается? – говорит мама. – Ты своими уроками займись. Я ничего не отвечаю, а мама продолжает: – Аргина не маленький ребёнок, чтобы не иметь права на некоторую самостоятельность. А ты, как надзиратель в тюрьме, не даешь девушке дышать. – Что я делаю?... – обиженно спрашиваю я. – Что делаешь, что делаешь, – передразнивает мама, что еще должен делать? Глупые вопросы задаешь. Быстро иди спать, Аргина лучше тебя знает дорогу домой.

Покорно опустив голову, я шагаю к своей кровати, про себя решив, что буду ждать прихода Аргины. Однако, не знаю, как получилось, что я уснул. Проснулся в полночь от крика совы. Помню, моя бабушка говорила, что крик совы во дворе дома – плохая примета. Прислушиваюсь. Крик совы раздается из нашего сада. А дома тишина. Бесшумно встаю с постели и открываю дверь в комнату Аргины. Она глубоко спит, подперев ладонью щеку, как маленький ребенок. Я некоторое время молча стою и смотрю на нее, потом, снова осторожно закрываю дверь и бесшумно, на цыпочках, иду спать в свою кровать. Во дворе, в темноте, снова зловеще кричит проклятая сова.

9.

– До каникул остались считанные дни, – говорит Аргина, – скоро с тобой поедем в город. – Армен тоже поедет с нами? – спрашиваю я. – Да... Вообще-то, он едет на экзаменационную сессию. – Он учится в Баку? – Конечно. Ты, что, не знал об этом? – Нет, – я отрицательно мотаю головой. – Знал, что учится, мама говорила, а где – этого не знал. – Мы там втроем

погуляем на берегу моря, покатаемся на катере, пойдем в кино. Если, конечно, ты не против, – говорит она, улыбаясь.

Издевается...

– Конечно, не против, – говорю. Вечером, как только Аргина надевает небесно-синее платье, меня тут же охватывает тоска, и я, зачем-то, глупо и неуверенно спрашиваю: – Я тоже иду с тобой, Аргина? Аргина смотрит на меня с нескрываемым умилением. Я, конечно же, понимаю, что ей не очень-то по душе, что я таскаюсь за ней, но и обижать не хочет. Хоть с опозданием, но, все-таки, я это понимаю. – Ладно, не иду, – быстро говорю я. – Почему? – Просто так, спрашивает она. – Я передумал, – хорохорюсь я, – лучше позову Овика, вместе поиграем в шахматы. Аргина признательно целует меня в щеку и быстро выходит со двора. Я, конечно, про Овика слукавил, сегодня у меня нет настроения играть в шахматы. Отца тоже дома нет, его пригласили в Стеранакерт на областной съезд животноводов, а мама сегодня целый день из больницы не приходила домой, потому что в соседнем селе медведь заломал одного человека, и его, почти, в безнадежном состоянии привезли утром в больницу. Я остался дома один и, впервые в жизни, почувствовал, как невыносимо одиночество. У меня на душе так грустно, что сердце чуть не разрывается. Не знаю, что сказать. Выхожу во двор. Здесь тоже ничего интересного нет... та же пустота. Ноги сами ведут меня на улицу, между неухоженными садами, по узкой дорожке, где протекают все грязные дождевые воды из центра села и стекаются в ущелье.

Знаю, что нехорошо делаю, но отступить от задуманного я не могу, какая-то непонятная сила толкает меня вперед. Продолжаю шагать, порою прячась за широкоствольными деревьями, порою, пригибаясь и с ужасом ловя себя на том, что очень хочу слышать, о чем говорят Аргина и Армен в том саду, в ущелье, хотя чувствую, что с моей стороны это непростительный шаг, непорядочно подслушивать чужой разговор.

Луна мгновенно выплыла из-за Тхкотасара, окрасив весь мир своими серебряными лучами. Чуть поодаль, под деревом показались Аргина и Армен. Они стоят, и я ясно вижу, что Армен что-то рассказывает Аргине, а Аргина, спиной опираясь об одно из деревьев сада, молча слушает его, время от времени разливается ее звонкий смех, будто звон родника, родившегося на высоком склоне, раздается над садом, освещенным светом луны. Стараясь не издавать ни звука, я ползком, незаметно приближаюсь к ним и, лежа в ямке под широкоствольными ореховыми деревьями, смотрю на них. Аргина, по-прежнему стоит, опираясь спиной об ствол дерева, это ясно видно в свете луны, А Армен нежно гладит ее руку чуть выше локтя и говорит тихо, мне не слышно. Тихий весенний ветерок слегка колышет ветки деревьев, распространяя дурманящий аромат распустившихся цветов и разбухших почек. Качаются ветки, плавно шелестят листья, будто шепчутся о чем-то: с-с-с, с-с-с. Обида схватила за горло, не дает дышать. Я утыкаюсь лицом в землю на мгновение, чувствуя аромат лютиков и прикосновение прохладной зеленой травы. Чуть позже, поднимаю глаза, мокрые от слез. Отчего я плачу? Отчего так страдает мое сердце? Ни понять, ни определить не могу... Армен, прижав к груди Аргину, о чем-то шепчет ей, одновременно, гладит ее волосы. Нужно, немедленно, уйти. Но мое тело, будто, наполнилось свинцом, сдвинуться не могу с места, боюсь даже дышать, мне кажется, что от легкого движения может, вдруг, сломаться ветка, и они меня заметят. Я снова слышу их тихий голос. – Ты рада, что приехала в наше село? – Голос Армена. – Да, конечно, я счастлива, что приехала. Я ведь здесь встретила тебя. – Аргина... Я сойду с ума... – шепчет Армен, и крепко прижимая её к груди, начинает ее целовать.

И вновь качаются ветки деревьев, плавно шелестят листья и снова, будто, шепчутся о чем-то: с-с-с. с-с-с... Я готов провалиться сквозь землю, то ли из-за бесконечных слез, то ли от стыда, невыносимо горит мое лицо, и я не знаю, куда деваться. Хочу разрыдаться, но чтоб не плакать, сильно кусаю губы. В моей голове и в ушах постоянно какой-то странный, непрекращающийся звук. Но это не шум листьев, шелестящих от легкого ветра, это, скорей всего,

гул водного потока. И в этом шуме, внезапно, становится слышным крик пролетающих по ночному небу аистов. Их жалобный крик бесследно исчезает за горами. – Когда началось строительство Тартарского водохранилища, одновременно, было решено вырубить ту часть леса, где в будущем будет озеро, – не отрывая взгляда от далеких гор, говорит Армен. – Ведь лес не оставят же под водой. Но нашлись люди, которые воспользовались этим и срубили много деревьев, намного дальше границ озера. Возле водохранилища рос тополь. На нем аисты свили гнездо. У этого тополя срезали ветки и разорили гнездо. А когда наступила весна, аисты вернулись. Они приближаются, размахивая крыльями, приближаются, издавая радостные крики. Долетев до знакомого места, они, видимо, поняли, что произошло, издавая печальные стоны, несколько раз покружили над тополями и сразу улетели. С того времени их больше никто не видел... – Смотри, Армен. вон видишь, у главной дороги в село стоит одинокое понурое персиковое дерево? – С опозданием говорит Аргина. – Ты согласен, если оно станет нашим талисманом?

– Каким талисманом, спрашивает Армен голосом, полным удивления. Аргина нетерпеливо трясет головой: – Только одно слово – да или нет? – Да, конечно, да. Но не понимаю, что это означает. – Пока оно стоит на месте целое и невредимое, со мной ничего не случится, ни приключений, ни горя, но если не станет этого дерева, кто-нибудь срубит его, или сломается хотя бы одна веточка, с нами случится большое несчастье. Она произносит это с такой твердой уверенностью, что можно ужаснуться, и я реально думаю, что она сошла с ума. Неужели, она не понимает, что я останусь на месте, если с ней что-то случится? Вероятно, о том же думает Армен, потому что, обнимая Аргину за плечи, он испуганно спрашивает: – Аргина, думай, что ты говоришь. – Я знаю, что я говорю. Я верю в предрассудки... Скажи мне, ты же не дашь, чтобы кто-то срубил его? – Никогда! Не беспокойся. – Ты мне очень дорог, Армен... Армен нежно ее прижимает к груди, и какое-то время они стоят так молча, обнявшись. Потом он спрашивает тихо: – Сколько времени осталось до осени? – Не знаю, не считала. Армен замолкает на две секунды, потом говорит: – Ровно четыре месяца. – Армен, милый, не нужно говорить об этом. – Почему? – Мне кажется, я до этого не дотерплю... не доживу... Я приподнимаюсь с места, внимательно смотрю на Аргину. – В наших краях свадьбы играют только осенью, – говорит Армен, – обычно так. – Какая отсталость, – говорит она, но я по ее голосу чувствую, что она шутит. – В наше время, когда идет беспощадная борьба с пережитками прошлого, к несчастью, находятся люди, которые придерживаются старых обычаев. Неужели, действительно, нельзя хотя бы один раз нарушить этот обычай? После этих слов они весело смеются. Потом Аргина говорит:

– Ну, я пойду, Армен, поздно уже. – Как быстро проходит время. Когда встретимся? – Не знаю. – Эти четыре месяца хочу каждый день встречаться с тобой.

– А потом? – говорит Аргина. – А потом встретиться и никогда не расставаться. Я тихонько, без какого-либо шума, сползаю назад, чуть в сторонке, в темноте, встаю на ноги, бегу домой. Я бегу быстро, иногда оглядываясь назад, будто, кто-то гонится за мной. Как прежде, дома никого нет. Наша Чалка несколько раз кидается к моим ногам, прыгает в разные стороны, но я не обращаю на нее внимания, и, не выключая света, срочно ложусь в постель. Я долго жду Аргину, а ее нет. Тяжелые, черные тучи накрывают диск луны, на улице все погружается во мрак. И в этой кромешной мгле ясно слышен монотонный шум нашей речки Барак Джур. Затаив дыхание и прислушиваясь, я с нетерпением жду. Во дворе со скрипом открывается калитка. Это Аргина. Она бесшумно, легкой походкой входит в свою комнату. Отсюда, с моей кровати все четко видно под ярким светом настольной лампы. Я притворяюсь, что сплю, но тайком слежу за ней. Аргина подходит к зеркалу, я вижу в нем ее чуть бледное, но обаятельное лицо, красивый нос с чувственными ноздрями, крупные и выразительные глаза, полные губы... Привычным движением головы она откидывает упавшие на лоб волосы и неожиданно закрывает руками лицо. Неужели плачет? Сердце волнуется от моей безответной любви

и жалости к ней. Однако, я боюсь произнести, даже, слово сожаления, она может обидеться, заметив, что я слежу за ней. Поэтому начинаю слегка посапывать. Аргина медленно поворачивается от зеркала, заходит в мою комнату. Я слышу ее приближающиеся шаги... Она подходит ко мне, осторожно садится на край моей кровати. Я чувствую, как она склоняется надо мной, уже чувствую ее приятный аромат. Теплые губы Аргины касаются моей щеки. Я быстро открываю глаза, одной рукой слегка обнимаю Аргину, хочу ее поцеловать, однако, не осмеливаюсь – Ты же не спал, Абик? – спрашивает она, не отходя от меня. – Нет, отвечаю дрожащим голосом. – Не спал. Где ты была столько времени? – спрашиваю я, отводя глаза в сторону. На мой вопрос она не отвечает. – Абик, ты можешь посчитать, сколько осталось до осени? – Что тут трудного? Ровно четыре месяца. – Ты счастливый, Абик, для тебя четыре месяца – просто четыре месяца и все. – А для тебя? – спрашиваю я и чувствую, как трепещет мое сердце. – Для меня... – Аргина мгновение думает. – Для меня – целая вечность.

10.

В эту ночь она легла поздно. Проверяла контрольные. Но, как только легла, сразу уснула. Я всегда удивляюсь ее умению засыпать мгновенно. Я так не умею, ворочаюсь с боку на бок, снова и снова вспоминаю все то, что увидел и услышал в том саду возле ущелья, под деревьями, и, все равно, не могу уснуть. Из моего окна виден лишь край неба, и эта часть неба пока покрыта тучами, там не на что смотреть. В комнате душно, наверное, пойдет дождь. Я хочу встать, открыть форточку, но боюсь, что Аргина проснется. Снова плотно закрываю глаза, стараясь погрузиться в сон. И вдруг в это время со стороны гумна какой-то тревожный звук, разрывая глубокую весеннюю тишину, проносится над спящим селом. – Эге-ге-ге-е-ей... От этого ужасного окрика у меня стынет кровь, я быстро сажусь в кровати, охваченный ужасом, смотрю по сторонам. – Эге-ге-ге-е-ей, – тревожный мужской голос многократно отзывается эхом в горах и в бездонных темных ущельях.

Я встаю с кровати, бегу к Аргине и начинаю трясти ее за плечо:

– Аргина, вставай. Аргина открывает глаза и смотрит на меня с удивлением, ничего не понимая. Потом вдруг, вскакивая с кровати, она бросается к окну. Я только сейчас замечаю, что злое пламя на улице охватило все небо. Аргина почти срывает со стула свое платье, то самое, небесно-голубое, очень быстро его надевает и говорит, задыхаясь: – Абик, там горит больница... Она стремительно выходит из дома и бежит, громко захлопнув дверь. Я также, едва успевая надеть брюки, сразу выбегаю на улицу, мчусь к больнице, что совсем недалеко от нас. Со всех концов села, дальних и ближних, с тревожными возгласами, держа в руках факелы, бегут люди. А больница трещит, охваченная огнем, языки пламени ползут по окнам, стремясь внутрь помещения. – Дети, там дети, на втором этаже, – слышу чей-то пронзительный голос. Из главного входа, из окон первого этажа срочно выносят больных на носилках, почти друг на друге. Шум, переполох, плач и мольбы... от этих голосов и треска бешеного пламени трясутся небо и земля. – Дети. Их нужно вытащить из здания, – истошным голосом кричит какая-то женщина, и в этом шуме и многоголосье я едва узнаю мамин голос. Мама с какими-то людьми выносит на носилках какого-то человека, наверное, того, которого задрал медведь. И, вдруг, в дыму и пламени мелькнула Аргина. Это было лишь короткое мгновение, в следующую секунду она исчезает с поля моего зрения. – Абик! – кто-то зовет меня сзади. Все же, в этой суматохе я узнаю голос Аргины. Оборачиваюсь: в проеме двери на первом этаже вижу Аргину с каким-то ребенком на руках. Руками отмахиваясь от огня и дыма, задыхаясь, я бегу в сторону Аргины, из ее рук беру ребенка и бегу назад. Одна старая женщина забирает у меня ребенка, я снова бегу к дверному проему. Но там никого нет. Я хочу войти внутрь, но оттуда пышет такой жар, что мгновенно отпрыгиваю назад. Люди уже добежали до меня с полными ведрами, кувшинами и кидаются из стороны в сторону, это наши соседи, есть люди с дальнего конца села, все бегут в разные стороны, орут, кричат, не слыша друг друга. – Воды принесите, быстро... – Землю несите... – Лопатами. лопатами кидайте землю. – Воды сюда, к дверям.

Скоро приедет пожарная машина, земли бросьте. – Из райцентра до нас сорок километров, да еще по нашим дорогам пока доедет, все превратится в пепел. Огонь разбушевался, к дверному проему подойти уже невозможно. Я с нетерпением смотрю в ту сторону, но Аргины нет. Где она застряла? Бешеный треск пламени, крики людей и топот ног, печальное присутствие огромных цистерн с водой в кузовах грузовиков, – все это превратилось в страшный переполох, от которого, кажется, сама земля стонет и движется под ногами. Где Аргина? Почему ее больше не видно? Ужас охватывает меня. Я начинаю плакать. Везде крики, возгласы.

И вдруг я вижу Армена. Почему-то, раздет по пояс, полностью черный от копоти, он только что вытащил из окна очередного больного, и теперь, кидаясь в разные стороны, ищет кого-то... – Армен, – кричу я, – Армен, сюда, Армен... Я ему говорю, что Аргина там, внутри. – Она вошла туда, и до сих пор ее нет. Армен, не теряя ни минуты, бросается в дверной проем, откуда клубами валит дым вперемешку с пламенем. Однако, он только исчезает в этом дыму, как из окна второго этажа вырывается огонь, как семиглавый дракон, слизывает оконные рамы, которые мгновенно охватывает пламя. Еще пара секунд, и, внезапно, искры пламени огромным кострищем поднимаются в небо, и в вопиющем реве огня на мгновение замирают ужасающие крики и рыдания собравшихся.

– Кровля рухнула, – кричит председатель колхоза Габриел Балаян, стоя на балконе здания сельсовета, – все отойдите, часть кровли рухнула, отойдите, сейчас полностью рухнет, назад... Я невольно отпрыгиваю в сторону. В глубине души я лелею мысль о том, что Армен еще успеет спасти Аргину... Плача от горя и безысходности, окаменевший, я смотрю на дверной проем. Армен выходит оттуда, полностью покрытый копотью, брюки на нем дымятся, но он не обращает на это внимания. Остановившись, устремляет взгляд к небу, и так, застыв, смотрит какое-то мгновение. Будто отрешенный от мира, я также смотрю вверх, удивительно, но этой ночью луна окрашена в красный цвет. – Аргииинааа, – охрипшим, ужасающим звериным голосом рычит Армен, и, будто, от удара тяжелого крана по голове, пошатываясь, продвигается на пару шагов, потом, неожиданно, падает на колени оземь, закрывая лицо руками...

ЭПИЛОГ

Много персиковых деревьев в нашем селе. Деревья эти расцвели сейчас, и цветы их – красно-фиолетовые, купаются в лучах прозрачного весеннего солнца. Повсюду в селе, во дворах, у старых разрушенных строений загорается красочная ярмарка пламенных цветов...

Деревья расцвели, и я сегодня впервые увидел, что у персикового дерева, растущего у дороги, ведущей в село, сломалась ветка. Весь день я думал об этом...

О том, что ветка эта сломалась, потеряла свою весну, и что она не увидела этих цветов, которые цветут сейчас и будут цвести каждый год, когда придет весна, и персиковые деревья расцветут вновь красно-фиолетовыми цветами...

Я долго смотрю в сторону ущелий. Из этих ущелий, извиваясь, дорога входит в село. Там, на её обочине, одиноко и печально стоит раненое персиковое дерево. Я пристально смотрю в эту сторону, и постепенно меркнет мое зрение. Вместо персикового дерева в моих глазах непроглядная мгла, и в этой мгле я вижу Её. Она улыбается мне, но улыбка ее печальна. И я ловлю себя на том, что шепчу ее имя: «Аргина».

«Аргина!..» – слышу я собственный голос, но этот голос, словно чужой мне, будто идущий издалека... Однако, в следующее мгновение тает мгла, видение исчезает, и я снова вижу поникшее одинокое персиковое дерево у дороги, ведущей в село, у которого сломалась ветка, потеряв свою весну...

ОСЕННИЕ ХОЛОДА

Отшумели, прошли дожди осенние...

М. Яхшунц

Незаметно наступила и прошла зима, малоснежная и теплая. Потом, как два праздничных, веселых дня, блеснули весна и лето. И вот, наступила осень, с дождями, с редким, уже последним, холодным, ярким сиянием солнца, с опавшими разноцветными, увядшими листьями под деревьями, прохладным воздухом, с утренней росой и густыми, влажными туманами. За последнюю неделю – выдался первый день без дождя, когда с утра под осенним солнцем на приусадебных участках, на улицах и в лесах, раскинутых вокруг села, деревья сверкали, пылали множеством красок, начиная от чистого золота и до бирюзы. А потом сразу наступил темный вечер.

Анаит пожелала спокойной ночи дежурному врачу, медсестре и вышла из больницы. Луна была далеко в пути, и не дошла пока до села Хндзахут, затерявшегося в горах, и все вокруг: поля, леса, горы и ущелья были погружены в беспросветную темноту. Во дворе больницы лишь верхние ветки лип, едва заметно для глаза, качались в синеватой дымке. Этот вечер, почему-то, показался Анаит не совсем обычным. Хотя был обычный вечер, тем не менее, почему-то, он вдруг показался ей таковым. Ее сердце было не на месте... Сердце чувствовало что-то, не то тоску, не то тревогу. Устала, наверное. Она постояла несколько минут на деревянной лестнице сельской больницы, пока глаза привыкнут к темноте, только потом пошла по протоптанной после дождя тропинке...

В первое время, после окончания в Степанакерте медицинского техникума, она приехала в село и начала работать в больнице. Попадая во вторую смену, мать ее всегда встречала. Мать стояла по ту сторону ограды, в темноте, ожидая её. Потом выходила Анаит и, увидев мать, говорила: «Мама, ты опять пришла? Я, что, дорогу не знаю?» Она брала ее под руку и они, мать и дочь, шли по дороге, ведущей домой. Анаит не хотела, чтобы мать, устав после полевых работ, приходила встречать ее. Но мать ее не слушала, приходила каждый вечер. Анаит шла молча, опустив голову, а мать безостановочно говорила, и говорила всегда, почти, об одном и том же: о том, что на полях осталось много невыкопанного картофеля, а сегодня-завтра может выпасть снег, что по ночам в горах уже изморозь, что сейчас хорошо зарабатывают на молочных фермах, раньше было не так. Говорила про ворчливого отца Анаит, у которого осколки с войны, сидевшие в теле, при изменениях погоды дают о себе знать. Но больше всего она говорила о себе: какие она трудности перенесла в молодости, как из-за куска хлеба ее отдали замуж в четырнадцать лет. «Неужели можно сравнивать с сегодняшней жизнью. Радио есть, телевизор есть, холодильник и стиральная машинка в доме, в магазине всего полно, в конце месяца пенсию приносят на дом, получай и живи, как душе угодно... Но наше время уже прошло. О какой жизни речь, если тебе уже исполнилось семьдесят. В этом возрасте думаешь, как душу Богу отдать, а не о том, как жить.» Анаит было грустно и нудно слушать каждый раз одни и те же истории, и поэтому она, в душе, тайно радовалась, когда попадала в первую смену.

Сейчас ее никто не встречает, хотя и мать жива, и у нее есть муж и сын... Анаит выходит из больницы, погруженная в свои мысли, идет по дороге, которая ведет между огородами и домами, вилляя по разным сторонам спящей деревни. Потом выпрямляется, спускается в ущелье, переходит по деревянному мостику, под которым тихонько журчит безымянная маленькая речка, берущая начало в горах, и долго поднимается к их дворам, раскинутым на вершине противоположной горы. Молча идет Анаит по белеющей в темноте дороге, и никто не встречается ей, она в раздумьях, воспоминаниях, день за днем, восстанавливает в памяти свою жизнь. В ночной темноте легко думается, мысли приходят сами по себе, выстраиваются чередой. Все пережитое воскресает в памяти, становится явным, и Анаит каждый раз удивляется, почему

ее жизнь сложилась так бездарно и глупо? В какой из дней она дала трещину, и эта трещина, постепенно разрослась в пропасть, в которую с каждым днем все ужаснее становится заглядывать. Кто виноват в том что ты имеешь все: любимого сына и любящего мужа, крышу над головой, есть у тебя и любимая работа... все, кроме одного, чего ты жаждала всю жизнь, – немного счастья... Много лет назад, когда отец был жив, он сказал одну фразу. Непонятно, почему, Анаит в последнее время часто вспоминает ее. «Птичка есть, коричневая такая, в поле живет, счастье похоже на эту птичку, – тогда сказал отец. – Садится перед твоими глазами, в двух шагах от тебя, хочешь поймать ее, прыгает и садится чуть в стороне, думаешь, еще шаг сделаю – и поймаю. Обманывая, ведет, эээ, Бог знает, куда... Человеческое счастье похоже на эту маленькую птичку, кажется, вот, уже близко, сейчас доберешься до счастья, но нет... как та птичка, оно, снова, уводит тебя, и до конца так и идешь за счастьем и никогда не доходишь.» И, неужели, невозможно прожить без этого самого счастья? Можно, конечно, при этом, небо остается безбрежным небом с его черной пустотой, звёзды – обыкновенными звёздами, которые не то, чтоб улыбались или мигали в ночном небе, а просто так светят далеким, холодным светом, ручей, протекающий возле, дома, не звенит резвым детским смехом, а просто течет себе, неся родниковые воды с гор в колхозные огороды. А, ведь, было же другое время, когда все было по-иному: и звезды радостно мигали в темном бархате неба, и ручеек смеялся звонким, детским смехом.

Было ли все это, или сама Анаит придумала те несколько, быстро пролетевших, недель с Кареном? Нет, было, все было, те недели тоже были, но так быстро пролетели... Иногда, Анаит казалось, что она сойдет с ума от счастья. Интересно, где сейчас Карен? В какие дали бросила его судьба? А, может, он вообще, где-то близко. Но, неужели, не все равно, где он? И, если бы даже он находился здесь, рядом, для Анаит было бы то же самое, что на другом краю земли. Однажды, он, по какому-то случаю, сказал ей: «Запомни мое слово, придет время, и тебя уничтожит твой изменчивый характер»

В ущелье, под липами, послышались шаги, беспокойно заквакали лягушки. Анаит перешла через деревянный мостик, под которым какое-то мгновение зажурчал ручей, и начала подниматься по дороге вверх. Она снова вспомнила Карена, горько усмехнувшись в темноте. В общем, в словах Карена была правда. Может, имея твердый характер, в жизни все у нее сложилось бы не так. Интересно, а как устроилась его, Карена, жизнь? Он очень гордился своей силой воли и чрезмерной непоколебимостью характера. Кто знает, может его жизнь хорошо устроена. Иначе, хоть раз бы приехал. Ведь уже несколько лет не был в родном селе. По всей вероятности, Карен пишет письма родителям.

Однажды, это было давно, Анаит захотела взять у родителей адрес Карена. В тот день она не работала, и, кто-то из соседей, она сейчас не помнит, кто, сказал, что отец Карена плохо себя чувствует, ночью у него был сердечный приступ, из райцентра вызвали скорую помощь. Схватила «Волокардин» и «Валидол» и побежала к ним домой. Думала, заодно, возьмет адрес Карена. Однако, мама Карена встретила ее довольно грубо. «Ты не только Карена, ты и нашу жизнь испортила, – сказала она тогда, – потому что, не будь тебя, наш сын сейчас жил бы с нами, и его престарелые родители не были бы вынуждены перед кем-то склонять голову. Это из за тебя с его сердцем так стало, ты сделала человека больным, все по твоей вине произошло, и не смей показываться ему на глаза.» Анаит стояла во дворе, пристыженная, растерянная, не зная, что сказать. Еле сдерживая себя, чтоб не разрыдаться от оскорблений, она развернулась и нерешительными шагами пошла домой. Дома никого не было. От волнения дрожали губы, но она не плакала, лишь почувствовала слабость в сердце. Подойдя к столу, она дрожащими пальцами включила старый патефон, оставшийся с военных лет, и патефон запел грустным голосом:

Завяжи на прощанье платок,
Завяжи, подари его мне...

И накрепко, как на платке узелок,
Связал нас счастливый денёк...

Не имея сил сдерживать себя дальше, она упала вниз лицом на постель и долго плакала. Как же она виновата, что они одни, что им тяжело одним в четырех стенах? Какова ее вина в этом, и неужели, ей, Анаит, легче? У самой Анаит есть немало причин, чтоб винить их, родителей Карена, как раз, в том, что они погубили его жизнь. Но зачем, почему разбередили раны? Неужели, это им даст что-нибудь? И, неужели, все дело в том, что те старые раны всегда будут свежи, до конца дней так и будет сжиматься от боли сердце Анаит, и она не сможет об этом никому рассказать, потому, что, чем глубже рана, тем тяжелее о ней говорить. Щемит сердце, словно, стог, молча, безропотно тлеет изнутри, и только стон клубится как дым. Иногда, Анаит казалось, что не выдержит, закричит от боли... Но не всегда делаешь то, что хочешь, иногда вынужден смеяться, вместо того, чтоб плакать. И не так легко кричать от боли, когда рядом с тобой твой сын и любящий тебя, добрый муж. Муж знает, что Анаит его не любит. От этой мысли он часто впадает в необузданное бешенство, пьет до сумасшествия, (хотя спиртные напитки не переносит), и безжалостно бьет Анаит, приговаривая, что она погубила его жизнь. А утром, придя в себя, начинает слезно просить прощения. И Анаит прощает его, и не только потому, что понимает мужа, (от того, что она понимает мужа, ей легче не становится), больше всего она прощает мужа, потому, что ей ничего не остается, как простить, ведь, все равно, их жизнь останется той же мукой. Муж тоже это понимает, поэтому после работы уходит к родителям и возвращается поздно вечером, когда Анаит уже спит, (или притворяется спящей).

Увлечшись мыслями, Анаит и не заметила, как дошла до дома. Даже не заметила, как луна неслышно поднялась из-за горы и сейчас, не торопясь, карабкается вверх по небу. Она просунула руку через забор, открыла дверцу во двор, но не вошла, смотрела на горы, спящие в серебристых лучах лунного света, на дальние и ближние поля, на дороги, поднимающиеся в горы, которые идут и теряются в темных лесах. В ущелье

Матурен- дзор два раза прокричала ночная птица, и вновь воцарилась тишина. Внизу полностью был виден Хндзахут, со всеми его дворами. Жестяные крыши домов, как под солнцем после дождя, ярко сверкали в свете луны.

Анаит посмотрела через темные осенние пашни на дорогу, спускающуюся в центр села, и этот самый обыкновенный и, почему-то, немного грустный, вечер снова напомнил ей те дни, когда они с Кареном учились в десятом классе. По этой дороге каждый день вместе шли в школу и возвращались обратно. Туда спешили, а обратно шли не спеша, иногда сворачивали у моста, спускались в ущелье и шли против течения безымянной речки, (это было во время выпускных экзаменов), а над их головами, на деревьях пели, словно приветствуя их, соловьи. Анаит вспомнила эти пролетевшие дни, вздохнула, и, отворяя дверцу, вошла во двор. Свет в доме не горел, муж опять пошел к родным, или еще не вернулся с работы, а сын, Араик, второй день находился у матери Анаит.. Прохладные отношения, бытующие в семье, вероятно, тяготили сына, и он предпочитал оставаться у бабушки, там ему было хорошо. Анаит своим ключом открыла дверь, зажгла свет и несколько секунд, не спеша, оглядывала комнату, будто видела впервые. Она была похожа на постояльца, которому хозяева показывают жилище, и он, стоя на пороге, решает, согласиться на это, или искать другое, лучшее жилье? Квартира обставлена не слишком дорого, но под стенкой стоит диван, покрытый красивым ковром ручной работы, на стене висит маленький фабричный коврик с художественным рисунком, на котором два оленя пьют воду. Этот коврик муж купил года три назад, он тогда получил премию за примерную и своевременную подготовку колхозного агропарка к сбору урожая. Анаит сняла пальто и накинула на спинку кресла. Потом подошла к столу, привычным движением руки поправила клеёнку на столе, взяла полный графин с водой и поставила в центр стола.

Ее взгляд упал на групповую фотографию в темно-красной рамке, висевшую на стене. Это было в конце июня, сфотографировались всем классом. Анаит медленно подошла, будто,

раньше никогда не видела, и стала очень внимательно рассматривать фото. Вот она, рядом с учительницей русского языка Марией Амбарцумовной. А вот, в последнем ряду, как-то особняком, стоит Карен. У него спокойное лицо с выраженной силой воли, решительно направленное в объектив, чуть холодный взгляд. Каждый раз, глядя на это, до жестокости строгое и серьезное лицо, Анаит, с чувством стыда, не утихающим, спустя много лет, вспоминает один случай, с которого, по сути, и началась вся эта история. Она так хотела бы выкинуть из памяти тот случай, но, увы, это невозможно, как невозможно забыть все то, что, так или иначе, связано с Кареном, его юмор, обаятельная улыбка, добродушный смех, его манеры – все это запечатлено в памяти и в сердце Анаит.

Анаит вышла во двор сменить воду в графине. Свет из дома, выбравшись через дверной проем, прыжком поднялся на тутовые деревья, шелестящие от слабого ветра, прыгнул вниз, как кошка, и проскользнул обратно, когда Анаит закрыла дверь. Во дворе стояла тишина... ни звука... не спали лишь деревья в саду. Они тихонько шептались, беседовали, будто, не осмеливаясь приблизиться друг к другу. Стояла привычная тишина, и в эту необычную ночь, в этой полной тишине, вверх, по ущельям, клубясь, медленно поднимался туман, внизу, из какого-то приусадебного участка валил густой дым – жгли навоз, дым был густой и черный. Вдали, в серебрянных лучах лунного света, в стороне от гор и холмов, виднелся Мрава-сар, окутанный белыми облаками. Или, это был снег? Наверное, был снег.

Воспоминания вновь увели Анаит. Да, с этого началась вся история, с этого нелепого случая, вспоминая о котором, и сейчас, через годы, Анаит чувствует, как от стыда ее лицо заливается краской.

...Это было на большой перемене. Чтобы показать себя перед подругами, Анаит прыгнула на подоконник, и глядя на Карена, который что-то искал на карте, прищурился улыбающимися глазами, сказала:

– Слушай, Карен, могу задать тебе один вопрос, как секретарю комсомольской организации?

В школе шли слухи, что Карен по уши влюблен в Анаит, и, зная шаловливый характер Анаит, девочки с интересом обернулись на них.

– Какой вопрос? – спросил Карен, не смея смотреть Анаит прямо в глаза. Привычным движением головы Анаит откинула волосы назад и сказала:

– Вообще, это не вопрос... В действительности, я хочу произвести с тобой обмен, если можно, конечно. – Ее красивое лицо было озарено весенним солнцем и смехом. Смеялись глаза цвета чистого неба, полные губы, нежные, как лепестки розы, белоснежные зубы.

– Что за обмен? – в недоумении спросил Карен.

– Ты отдаешь мне свою шапку из мускусной крысы, а я взамен целую тебя один раз... Или, можно два раза. Согласен?

Карен слегка растерялся, потом подошел, из-под парты достал шапку-ушанку, которую дядя прислал из Казахстана, протянул Анаит и спокойно, подчеркнуто холодно, сказал:

– Возьми.

– Значит, согласен, – победоносно и хитро улыбнулась Анаит, горделиво взглянув на девочек.

– Нет, не согласен. Ты очень дешево продаешь свои поцелуи, такие поцелуи мне не нужны...

Оставив шапку в руках Анаит, он повернулся и вышел из класса. Анаит стояла, ошеломленная, наверное, впервые в жизни, растерявшись, она не нашла, что сказать. Она стояла, окаменев, на глазах у подруг, сгорая от стыда и, непроизвольно, перебирая пальцами мех на шапке. Потом, вдруг, бросила шапку на подоконник и тоже выбежала в коридор, который гудел от голоса множества учеников.

Когда прозвенел звонок, и Анаит вошла в класс, подруги увидели, как покраснели и припухли ее глаза от слез. С этого дня Анаит, как будто, подменили. Не было прежней Анаит. Правда, она и сейчас, как прежде, могла убедить весь класс, сбежать с урока, запросто выучить наизусть десять страниц из учебника по тригонометрии (у нее была ошеломляющая память), или во время контрольной по алгебре полностью, от первой строчки до последней, списать у подруги, сидящей рядом, и светящимися глазами уставившись на педагога, сдать ему тетрадь и с невинным видом объявить: " Ынкер Агасян, Вы можете уже сейчас поставить «двойку», я сначала до конца списала у Греты». И, тем не менее, это не те поступки, которые характеризовали Анаит. Она стала часто погружаться в свои мысли. Время от времени, ловила себя на том, что ревновала Карена к подругам, когда видела, как они, просто так, подходили к нему, чтобы спросить о чем-то. После разговора между ней и Кареном, тот поступок более не обсуждался, тайком следила за каждым его шагом, а во время случайных встреч была рассеянной, терялась и быстро отводила взгляд.

Как и сверстницы, Анаит часто получала письма от мальчиков, и в этих письмах они, порой, нежно, порой, сердечно, а порой, насмешливо приглашали её на свидания. Ясно, что это ласкало ее девичье самолюбие, она радовалась и гордилась этими письмами и, закрываясь в классе или уединяясь в одном из уголков школьного двора, читала подругам, не называя, конечно, имен авторов. Такие письма она и сейчас получала, однако, они впредь не радовали ее, больше вызвали сомнения, а потом стали нервировать. И, получая очередное любовное письмо, она, просто, возвращала его обратно, не читая или, просто, рвала. В итоге, Анаит попросила не брать ни одного письма, адресованного ей, (эти письма передавались ей через подруг, или через учеников младших классов). В конце апреля, в один из ясных и солнечных дней, Анаит с сумкой в руках шла в школу. Уже прозвенел второй звонок, поэтому она спешила. Дойдя до школы, у ворот, кто-то сзади сказал:

– Теплый привет Анаит Габриелян! Анаит обернулась и увидела Мушега Арушаняна из 10-го «б» класса.

– Здравствуй, – холодно откликнулась Анаит.

– Я сейчас шагал за вами и внимательно смотрел на вашу тень, – улыбаясь, сказал Мушег.

– И потом?

– Потом ничего. Я смотрел на Вашу тень и думал, что у красивых девушек тень тоже красива.

Анаит засмеялась:

– Что нельзя купить за золото, можно приобрести добрым словом. Ты, вероятно, этим девизом руководишься, правда?

– Ну, скажем, – с воинственным взглядом бросил Мушег.

– Бесполезно, Мушег, этот дивиз имеет свой недостаток, на меня не влияет.

– Поэтому не отвечаешь на мое письмо?

– Какое письмо?

– Сатик из нашего класса принесла.

– Я твое письмо не читала.

– Значит, посчитала не достойным.

– Считаю, что так.

– Благодарю, – усмехаясь, сказал Мушег. – знаешь, что сказал один умный человек по этому поводу? “ Поднимаясь вверх по дороге жизни, не поступай с людьми жестоко, ты можешь встретиться с ними, спускаясь вниз.» Правда, хорошо сказано?

Анаит всегда раздражала манера Мушега говорить высокопарно и глубокомысленно, и, самое главное, чужими словами.

– Хорошо сказано, только не поняла, какое отношение имеет это ко мне?

– Ничего, Анаит, потом поймешь, – многозначительно пообещал Мушег.

Анаит, вдру, г остановилась, повернулась в сторону Мушега, в то же время, понимая, что потом будет раскаиваться о проделанном, задыхаясь от волнения, неожиданно сказала:

– Ты же хорошо знаешь Карена? Карена с нашего класса.

Мушег, непроизвольно, кивнул головой, с удивлением глядя на слегка побледневшее лицо девушки.

– Скажем... знаю...

– Вот если бы он написал... От него, только от него я б хотела получить письмо. Каким бы ни было это письмо, хоть обидное, хоть... только бы написано было его рукой...

Ошеломленный, услышанной новостью, Мушег не смог сдвинуться с места. Оставив его стоять, Анаит, развеяв густые волосы по плечам, побежала вверх по каменным ступенькам и вошла в полутемный коридор. Часто вдыхая нежными ноздями воздух и постепенно привыкая к темноте, она промчалась по коридору, будто за ней гнались, вошла в класс. Взглядом отыскала Карена и решительно подошла к нему. Сидя за своей партой, Карен читал какую-то потрепанную книгу.

– Что за книгу читаешь, Карен? – спросила Анаит.

Карен оторвал взгляд от книги, с удивлением посмотрел на нее.

– Про разведчиков.

– Интересно?

– Пока не знаю, недавно начал.

Под его внимательным взглядом, волнуясь до слез и, почему-то, сгорая от стыда, Анаит попыталась открыть свой старый портфель. Но замок, как назло, не открывался, вероятно, испортился. Вдруг, вспыхнув от отчаяния, сама в ужасе от произносимых ею слов, Анаит сказала тихо:

– Знаешь, я бы хотела, чтоб вернулись те далекие и счастливые времена, когда девушка сама могла объясниться парню в любви, и это не считалось унижительным... Но нет, я этого не хотела бы, потому что в те старые времена не было бы тебя...

И сейчас, спустя много лет, осенней, лунной и холодной ночью, стоя одна-одинёшенька, Анаит думает о тех далеких, уже безвозвратных днях. И ей было, стыдно и, в то же время, приятно вспоминать ту детскую выходку, на которую ее, по всей вероятности, толкнул короткий разговор с Мушегом. Удивительным было то, что Карен сразу понял ее. Он слегка побледнел, потом улыбнулся так, как способен был улыбаться лишь он, только глазами. Анаит до сих пор не может забыть, как в эту минуту с души ушло напряжение, рука невольно упала на парту, всем ее существом овладела необычная, исцеляющая слабость, от которой слезы сами по себе проступили на глазах. Ей, пожалуй бы, заплакать, но в это время рука Карена осторожно опустилась на ее руку и легонько прижала кончики ее пальцев. Анаит опустила лицо, горящее пламенем, но руки не убрала. В ее глазах уже не было слез, но сердце ее билось так, будто, вот-вот выскочит из груди.

Анаит наполнила графин водой из-под крана, и с мокрым, холодным графином в руках направилась к дому. Заходя в дом, она услышала какой-то грохот, остановилась. Ей показалось, что это был звук автомобиля. Но она ошиблась, это высоко, намного выше гор и холмов, в звёздном небе пролетал самолет, излучая красный свет. Анаит вошла в дом, поставила графин на стол, на прежнее место.

На глаза ей снова попала групповая фотография. На фото они с Кареном далеко друг от друга, хотя, в тот момент они были неразлучны. Анаит считала себя самой счастливой девушкой на свете. Каждая клеточка ее существа была охвачена этим чувством. По вечерам ложилась спать с этим отрадным чувством, которое продолжало удивлять, она думала о наступающем дне, который начнется с того же пьянящего волнения. Душа и сердце Анаит были переполнены до краев потрясающим счастьем, как золотая чаша, до краев наполненная потря-

сающим молодым вином. Она даже старалась шагать осторожной и плавной походкой, будто боясь разбрызгать это пьянящее вино.

По утрам Анаит просыпалась рано, до восхода солнца, просыпалась от беспокойного щебетания воробышков, о чем-то горячо спорящих. Некоторое время, безмятежно улыбаясь, смотрела на них, потом закрывала глаза и думала о Карене, по порядку восстанавливая в памяти каждый миг, проведенный с ним за три вечера. Потом поднималась с постели, вышла на балкон и так стояла в прозрачной розовой ночной рубашке, распустив до тонкой талии переливающиеся, словно позолоченные, густые волосы. Долго стояла, прищурив глаза, всматривалась в этот большой, теплый и добрый мир, который щедро посылал ей синий свет его чистейшего рассвета. А потом, внизу, в ущелье Матура, начинали прерывисто переливаться соловьи. Анаит быстро завтракала, приводила в порядок волосы и, взяв медный кувшин, выбежала, не забыв предупредить мать:

– Мама, я иду за водой.

– Возвращайся скорей, тебе к экзаменам готовиться, – в свою очередь, отзывалась мать.

В ущелье, под мостом, был маленький родник, который день и ночь пел в замшелых камнях, так, с песней и протекал несколько десятков метров пути и вновь пропадал – неизвестный и безымянный. Они всегда встречались здесь, у этого родника. В деревне был другой родник, многоводный. У него круглый год было многолюдно: женщины с кувшинами и ведрами набирали воду, мыли расписные коврики, мужчины поили и купали лошадей, сюда подъезжали повозки, гремя пустыми бочками, чтобы набрать воду для строящегося в центра села клуба. А тут никого не было, кроме тихо поющего в замшелых камнях безымянного родника, чьи холодные воды, едва пробежав несколько метров, исчезают под ореховыми деревьями, среди желтых цветочков лютика. Единственным удовольствием, казалось, было то, что красивая девушка, гибкая, как тростинка, игривая, и высокий парень с пристальным, серьезным взглядом из-под черных бровей, почти каждый день, приходят к нему, вверяя свою любовь, в его присутствии долго беседуют, постоянно краснея и не смея смотреть друг на друга, говорят тихо, и он понимает, конечно, что о любви нельзя говорить громко. И, может, поэтому неизвестный и безымянный родник, забытый Богом и людьми, свой короткий путь проходит, радостно напевая, как златокрылая бабочка, которая порхает целый день, не зная, что в этом большом и светлом мире ее жизнь продлится всего один день.

Анаит ставила кувшин под воду и пока он наполнялся, они с Кареном, держась за руки, спускались в ущелье, шли вглубь леса, иногда собирали цветы, а порой садились у речки, прислушиваясь к ее пению. Речка шла с гор, она несла с собой горную прохладу, доносившую до них аромат цветов, приютившихся на груди гор. Анаит не знала, не могла понять, от чего пьянела: от аромата цветов или от того, что Карен сидел так близко от нее..

Этот день Анаит не забудет никогда. Не сможет забыть. После первого выпускного экзамена по дороге из школы домой, заранее не договариваясь, Анаит внезапно повернула возле моста в сторону ущелья, и, не оглядываясь назад, побежала вниз по ущелью к знакомому роднику, ведя за собою Карена. Добежав до родника, она прислонилась спиной к стволу одного из седоватых буков, задыхаясь от бега. Стала смотреть на Карена. Карен на Анаит не смотрел. Одно мгновение он смотрел на буковое дерево, устремленное в глубину неба, под которым стояла Анаит, и, достав из кармана нож, стал что-то вырезать на стволе седого бука. Анаит, улыбаясь, с интересом повернулась к нему. Карен, с проступившими на лбу каплями пота, с усердием вырезал первые буквы их имен: " К + А = любовь», и, довольный тем, что сделал, победным взглядом посмотрел на Анаит. Анаит продолжала улыбаться, белоснежными зубами прикусив губу. Карен посмотрел на нее, бросил в сторону нож, поспешно подошел к Анаит и неистовым движением, обняв ее теплую и покорную талию, задыхаясь от волнения, ртом быстро нашел ее горячие губы. Все еще прижавшись к стволу дерева и не в силах сопротивляться бурной страсти Карена, Анаит, медленно сползая вниз, застонала... «Неужто можно

было жить без тебя» – шептал Карен, неумоимо вдыхая девичий аромат и страстно целуя ее пламенные губы, томно-грустные глаза, лицо, волосы...

Так продолжалось до конца июня. Уже сдали последний экзамен и готовились к выпускному вечеру. Девушки шили нарядные платья, парни весь день проводили в школе, готовя ее к новому учебному году: белили стены в классных комнатах, красили парты, мыли окна. Издавна сложился в школе такой обычай, выпускники школы обязаны своими силами отремонтировать здание школы и, как эстафету, передать ее следующему поколению обновленной. Каждый вечер, справившись с домашними делами, Анаит шла в школу, чтоб узнать, как идет работа у мальчиков. Другие девочки тоже приходили. Если нужно было, помогали, нет – просто разговаривали, привнося разнообразие в трудовые будни ребят. Потом расходились, и их веселые голоса долго раздавались на полутемных улицах села.

В один из таких дней Анаит пришла в школу позже. Карена она увидела издалека: он снял дверь учительской и рубанком подстругивал ее.

– Здравствуй, – подойдя, сказала она, глядя на него с удивлением.

– Створка неплотно сидит в одной из рам, вынужден подстругать.

– Ты столярничать тоже можешь?

– Понемногу учусь, – усмехнулся Карен. – Может, пригодится...

Анаит показалось, что было в этой усмешке нечто нерадостное. Она внимательно изучила Карена, стараясь поймать его взгляд, но это ей не удалось. Карен старался на нее не смотреть, притворяясь, что безмерно увлечен работой. Анаит, чисто женским чутьем, почувствовала – что-то произошло, и это связано с ней. Но что? Она лихорадочно вспоминала каждый свой шаг, каждое сказанное слово, но в них не нашла ничего такого, что бы обидело, или опечалило Карена. С этой минуты какая-то смутная тревога закралась в ее сердце. Просто, нужно вооружиться терпением и ждать. И Анаит весь вечер ждала, с трепетом в душе, крутясь в коридорах и неестественно улыбаясь в ответ на веселые шутки девочек и мальчиков.

Передав ключ завхозу Ашоту, мальчики и девочки вышли из школы. Анаит, почему-то, казалось, что сегодня они с Кареном будут вместе не долго, быстро расстанутся. Почему, вдруг, так показалось, Анаит не поняла. Отделившись от группы, они пошли, не промолвив ни слова, по белеющей дороге домой. Карен, как бы между прочим, сказал, что после выпускного вечера он сразу уедет в Казахстан, в Кустанайскую область, к дяде. Анаит так внезапно остановилась, будто в темноте наткнулась на стену.

– Как? В Казахстан? Ты меня оставляешь одну?

– Так нужно, Анаит.

– А я? Что я буду делать без тебя?

– Поскучаешь несколько месяцев.

– Тебе легко сказать -«Поскучаешь...» Я без тебя здесь умру.

– Я должен ехать... Обязательно должен ехать. Иначе...

– Иначе, что? – сразу выдала Анаит, – ты от меня ничего не скрывай. Ты больше меня не любишь, да?..

– Нет, люблю, Анаит, потому и уезжаю, что люблю... – Он немного помолчал, потом добавил задумчиво: – Все было бы так легко, если б я тебя не любил... Если бы так было, я бы куда и не уехал...

Горько и отчужденно прозвучали слова Карена. Анаит напряглась, рассматривая его лицо, стараясь догадаться, откуда идет эта горькая печаль, однако в темноте ничего не смогла увидеть, только безгранично дорогие ей черты лица.

– Бог ты мой, – это что ты говоришь, Карен? – каким-то изменившимся голосом пробормотала Анаит. – Я ничего понять не могу. Что случилось?

– Не беспокойся, все будет хорошо, – сказал Карен, нежно прижимая ее руку, чуть выше локтя. – Самое большее – пол-года, и мы будем свободны, как...

– Ты удивляешь меня, Карен, – прервала Анаит, – неужели мы сейчас не свободны? Неужели кто-то нам мешает?

– Нет, конечно, но я хотел бы, чтоб мы были совершенно свободны... – произнес Карен чуть дрожащим голосом и, будто, желая скорей освободиться от нее, сразу поторопился. – Ну, хорошо, иди, поздно уже. Спокойной ночи.

Не оглядываясь, Карен зашагал по полутемной улице. «Бог мой, что это происходит со мной?, задыхаясь от слез, шептала Анаит, глядя на почерневшее от начала до конца небо. – Он все от меня скрывает. Может, другую любит, – разочарованно подумала она, – может, другую любит и не хочет говорить. Мысли не давали ей покоя. В душе ее рождались противоречивые вопросы, однако, все эти вопросы так и оставались без ответа. Но было ясно одно: над их любовью собирались черные тучи... Карен, конечно, некоторые вещи скрыл от Анаит, и скрыл не только из-за того, что не хотел причинить ей боль, а потому, что сам он, Карен, не может, пока, достаточно воспринять суть произошедшего. За несколько минут до того, как идти в школу, у ворот его остановил отец.

– Иди сюда, – сказал он, – мне нужно с тобой поговорить.

При достаточно невыдержанном характере отца, чересчур спокойный его тон насторожил Карена.

– Ты куда это направился? – спросил отец, доставая из кармана мятую пачку «Беломор-канала». – Опять идешь в школу?

– Да, готовимся к выпускному вечеру.

– Чересчур долго вы готовитесь к этому вечеру, – сказал отец, зажигая папиросу и прищуриваясь, выпуская дым вверх.

– Школа тоже не маленькая, – улыбнулся Карен, догадываясь, что про школу отец спросил просто так, между прочим, а главное еще впереди. И Карен внутренне напрягся, готовый к любому сюрпризу.

– Это правда, – согласился отец. – Что правда, то правда. – Не спеша, он затянулся папиросным дымом, потом, легким кивком головы показал на прошлогодний пенек. – Садись, дело у меня к тебе.

Карен сел на пенек напротив отца, лицо у того вдруг сразу окаменело.

– Что за дело?

– Значит, такое дело, сынок, мне не очень нравится, что тебя каждый день видят с этой... как ее зовут... с дочерью Сурена.

– Ее зовут Анаит, – напомнил Карен. – А что она тебе сделала?

Отец потемнел, недовольно бросил папиросу и раздавив ее каблуком, заорал:

– А что должна делать? Ну, что она должна мне сделать?

На первый взгляд, кажущийся бессмысленным этот вопрос, все же содержал в себе тонкий намек, но Карен сделал вид, что он этого не заметил, безразлично дернул плечами, теперь уже демонстративно поглядывая на часы.

– А может, не нужно об этом, папа, в другой раз.

– Боюсь, потом будет поздно.

– Если так... то и сейчас уже поздно.

Это было сказано с такой дерзкой сдержанностью и холодной уверенностью, что отец на минуту растерялся, но моментально собрался, яростным взглядом глядя на сына, прошипел:

– Ты что это, из пустого в порожнее болтаешь, сукин ты сын, опозорить хочешь нас перед селом...

– Не бойся, отец, ничего не было, – перебил его Карен с усмешкой, – просто хотел сказать, что я люблю Анаит, и ее ни на кого не променяю. И если когда-либо женюсь, то только на ней.

Карен услышал шаги и сразу узнал: это были шаги матери. Мать остановилась, но пока молчала. Однако, Карен хорошо знал ее характер, она вначале в разговоре оставляла первен-

ство за мужем, но вскоре это забывалось, и она уверенно и достаточно удачно занимала главную роль в семье. Так было и на этот раз. Увидев, что последние слова сына опять ввели мужа в ступор, она поняла, что наступил решающий момент, и нужно немедленно вмешаться, поставить все на свои места. Обойдя пень, на котором сидел Карен, мать встала возле мужа.

– Это что, ты уже женишься?..И на ком женишься, на дочери Сурена- водителя? На что ты позарился – на их богатство или на ее диплом?

– Я не имею никаких намерений жениться, мама, – повел плечами Карен. – Если дело дойдет до этого, понятно, что я с вами с первыми посоветуюсь. Неужели сомневалась?.. А что касается их богатства, мы тоже не миллионеры. – Он медленно встал с места и наконец, произнес то основное, вокруг чего, по сути, шел этот разговор. – Может, как раз, по этой причине вы нашли для меня невесту богатую и с дипломом? И, даже, договорились с родителями, без меня решили мою судьбу. Не плохо было бы и мое мнение спросить...

Родители тайком взглянули друг на друга. Они знали, что их сын, в нужный момент, за словом в карман не полезет. Однако, такой откровенной прямолинейности от него никак не ожидали..

– И очень хорошо сделали, что договорились, – визгнула мать. – А почему мы это сделали? Чтобы такой дурак, как ты, имел достаток в жизни. Чтобы не был вынужден прогибаться перед другими. Наступит, наступит тот день, когда ты обеими руками будешь бить себя по голове за эту твою любовь, но будет поздно...

– Подожди, – одёрнул ее муж, – не то говоришь, зачем это нужно? Пусть любит, по любви женится. Только скажи мне, чем Астхик хуже этой твоей дочери Сурена? Она, что слепая, косяя? Смотришь, как Ангелочек, честно говоря, в этих наших верхних селениях я не встречал такую девушку. И живет в городе, не то, что, как твои эти девушки, летом и осенью – на полях, зимой и весной, – запачканные в снегу и грязи.

– Такие мне больше нравятся, -настойчиво сказал Карен, на него слова отца не подействовали, потому, что, даже глупый человек понял бы, что это неудачная попытка прикрыть чересчур откровенно сказанные слова жены, потому, как основная мысль заключается в ее словах: мать хотела породниться с ее дальним родственником, который обещал вместе с приданым дочери подарить будущему зятю автомашину, а после свадьбы построить в городе собственный особняк для новобрачных. Карен знал, что этот родственник жил в областном центре, работал каким-то начальником на маслозаводе и, не было сомнения, что он обязательно выполнит свое обещание. Астхик была его единственной дочерью, училась на первом курсе института иностранных языков и, между прочим, небезразлична была к Карену,. Карен это тоже знал и относился к ней, как к дальней родственнице, не более.

– Запачканные в снегу и в грязи мне больше нравятся, – повторил Карен, – а особняк и машина мне не нужны. Дом у нас есть, а что касается машины, и без нее можно прожить.

– Дочь Сурена в мой дом не войдет, – снова взвизгнула мать, – мы с твоим отцом не для того годами наживали имущество, чтобы она пришла и хозяйничала здесь. её ноги здесь не будет.

– Почему? – побледнел Карен. – Потому, что не из богатой семьи, диплома нет и не ясно, будет ли когда-нибудь? Да?

– Да, – сжимая губы, кивнула мать.

– А, что толку от того, что у тебя есть диплом? Хоть один день в жизни ты работала?

– Не работала, потому что в этом нет нужды. Муж мой работает..

– Муж твой обыкновенный лесник с зарплатой в восемьдесят два рубля...

– Обыкновенный лесник, но во всем районе его знают и уважают.

– Государственный лес продает и всех кормит, потому и уважают.

Далее разговор перешел в абсурд, родители стали орать на Карена, требуя от него покорности и угрожая наказаниями всех видов, Карен упрямо мотал головой, не поддаваясь их уве-

щеваниям. Закончилось тем, что парень, потеряв терпение, тоже стал орать на родителей, после чего, мать прокляла его, проливая горькие слезы.

– Пошел, вон, отсюда, сукин сын, – в ярости отец подался вперед. – Уйди, вон, бесстыжий мальчишка, и не смей после этого показываться мне на глаза, – закричал отец, дрожащими руками доставая мятую пачку «Беломорканала».

– Совсем голову потерял, – вслед за сыном, причитая со стоном и вытирая слезы, сказала мать. – Ничего, ты еще посмотришь, – добавила она, но было неясно, к кому относились эти слова – к Карену или, к Анаит.

Карен не услышал сказанное матерью, громко хлопнув дверцей ворот, подавленный в душе, минуту постоял молча, не зная, что делать. И, неожиданно для себя, вдруг решил после выпускного вечера поехать в Казахстан, к дяде. От дома до школы он все время думал об этом. Молоток и топор держать может, дядя научил, но этого, конечно, мало, чтобы получить нормальную работу, по этой причине он и решил поехать к дяде. Тот поможет ему, а заодно и он заработает деньги на учебу, а если в Казахстане, будет хорошо, останется там и возьмет к себе Анаит... Карен знал, что с Анаит он поступил бессовестно, глупости наболтал и, как следует, не объяснил суть дела. Не трудно представить, в каком она сейчас тяжелом моральном состоянии. Сам Карен тоже не в лучшем положении, хотя одна умная мысль обнадеживает: не все еще потеряно, ему казалось, что родителей еще можно переубедить, несмотря на то, что хорошо знал характер матери – если она что-то вбила себе в голову, то что бы ни случилось, должна обязательно исполнить задуманное. Отец – это, конечно, другое дело, ему можно было что-то объяснить, потому что, хоть и хорохорится, возмнив из себя грозного мужа и влиятельного отца семейства, в действительности, находится под властью жены. Может, дяде написать? Но что это может дать? Дядя отсюда очень далеко, правда, он очень любит Карена, но на таком расстоянии он, вряд ли, сможет чем-то мне помочь. Значит, что делать? Неужели единственный выход – ехать к нему? С такими горестными мыслями Карен обратно вошел во двор и, поднимаясь по каменной лестнице, неожиданно подумал о том, что дом этот для него стал чужим, он не хочет ступать в него ногой. И ужаснулся от этой внезапной мысли...

...Это фото было сделано в день выпускного вечера. Из райцентра приехал фотограф, грузный, бесконечно культурный и добрый человек, звали его Самсон. К стене школы прикрепил какое-то полотно, на фоне этого полотна два выпускных класса сфотографировались вместе. Счастливым был этот день, обильное солнце, ветерок играл в верхушках деревьев, переворачивая листья.

А потом, начался вечер. Вручая аттестаты зрелости, директор школы, Арамаис Осипович, каждому выпускнику находил сердечное слово пожелания счастливого пути, из чего стало ясным, что знает каждого из них, если не очень хорошо, то и не хуже, чем их родители.. Это приятно удивило всех, потому что, директор, обычно, редко заходил в классы, кроме девятого, где он преподает историю и, настолько редко он разговаривал с учениками, что все были уверены в том, что в лицо он, почти, никого из учеников не знает и не имеет представления о том, кто, как учится и куда собирается в дальнейшем идти, в институт, техникум, или решил остаться в колхозе? И вдруг выясняется, что директор все эти годы внимательно наблюдал за каждым из них и, исключительно, все знает про всех. При кажущейся внешней инфантильности, этот человек имел цепкий взгляд. Тем не менее, в отношении одного выпускника он, все-таки, ошибся. Этим выпускником был Карен. Протягивая ему аттестат зрелости, директор свойственным ему негромким голосом сказал:

– Поздравляю тебя, Карен. Все эти десять лет ты шел в рядах отличников. Честно говоря, мне казалось, что обязательно получишь медаль. И, тем не менее, я рад твоим достижениям. Я знаю, что давно мечтаешь поступить в Академию имени Тимирязева. Я желаю тебе успеха. Уверен, что имя нашей школы ты там не уронишь. Обещаешь?

Карен колебался несколько секунд, не зная, как ответить на прямо поставленный вопрос. Можно, конечно, сказать – да, вроде, обещаю, ведь никто, ни к чему его не обязывает. Обдумав одно мгновение, сказал:

– Нет, не обещаю.

– Как это, не обещаю? – лицо директора напряглось, – не хочешь поступать в ВУЗ?

– В данный момент, наверное, не получится.

В просторном спортзале, где происходило вручение аттестатов зрелости, воцарилось напряженное молчание. Несколько десятков пар глаз смотрели, то на директора, то на Карена. О том, что Карен не едет учиться, никто не знал, даже Анаит. А до этого все были уверены в том, что, если кто-то и поедет учиться, то Карен обязательно будет первым из них, потому что, иметь все шансы на успех и не поступать в институт...

– А что ты намерен делать? – спросил директор, и заметив, что Карен продолжает сомневаться, добавил: – Хорошо, сам знаешь.

Выпусной вечер, в общей сложности, прошел хорошо. Много пели, танцевали под патефон, учителя, строго наблюдая, сидели за длинным столом и пили слабое домашнее мускатное вино, потом все сразу вдруг напали на горячий шипящий шашлык с мангала. Мангалы стояли на школьном дворе, где командовали Мушег из 10 «Б» класса и завхоз Ашот, который, согласно общему мнению, хорошо готовил шашлык. Председатель колхоза, Мрав, чей сын также был выпускником, выписал двух ягнят, и сейчас аромат от свежей ягнятины распространялся вокруг. Завершив застолье, отодвинули в сторону столы и стулья, и снова начались песни и танцы. Мушег несколько раз шел танцевать, казалось для того, чтобы пригласить Анаит. Однако, с самого начала вечера настроение Карена сразу передалось ей, и, как бы она ни старалась, не могла заставить себя танцевать, хотя все выпускники и учителя настаивали на этом. Мушег отлично танцевал, а из девушек только Анаит не уступала ему в танце. Сначала Мушег не обиделся, получив отказ, во второй раз обиделся, но скрыл обиду, в третий раз не смог скрыть обиду. Не прерывая танец, он подошел к Анаит и что-то ей шепнул, вероятно, что-то обидное, потому что Анаит сразу покраснела, глаза ее наполнились слезами, и она быстро выбежала в коридор. Карен вышел за ней:

– Что он тебе сказал?

– Глупости, – Анаит заставила себя улыбнуться, – глупый он, не стоит обращать внимания.

– Но он чем-то тебя обидел, – упрямо настаивал Карен.

– Говорит, любовь – любовью, а замуж выйдешь за меня. Наверное, домашнее вино на него плохо действует, – она снова попыталась улыбнуться, и испуганно посмотрела на Карена, у которого лицо мгновенно стало свирепым. Это насторожило Анаит. Она схватила Карена за руку:

– Не стоит из-за пустяка драться. Только этого сейчас мне не хватало, – потом быстро пришла в себя и добавила: – Прости, я хотела тебе сказать... Ведь это сейчас нам не нужно... Неужели сейчас этому время? – и, не получив ответа, она поменяла тему: – Ты пойдешь встречать рассвет?

Наконец, Карен, будто, очнулся, лицо его стало добрее, и улыбаясь, он сказал:

– Пойду, наверное, но...

– Но, что? – спросила Анаит.

– Все это – встреча рассвета, розовое будущее, придуманное для детей, мне кажется бессмысленной забавой. А тебе?

– Не знаю, я об этом не думала. Просто, красивая школьная традиция. А мы не дряхлые старики. Не правда ли?

– Конечно, правда, но...

– Не нужны эти «но», просто, думай о хороших вещах и больше доверяй мне. Это моя единственная просьба к тебе, не считая, что у меня есть еще одна просьба, скорей, это не просьба, а заветное желание моего сердца. Я бы хотела, чтобы ты всегда был рядом со мной, чтобы был моим.

– Я твой навсегда, но...

– И снова «но»?

– Нет, мое слово о доверии. Почему тебе кажется, что я тебе не доверяю?

– Во всяком случае, ты до сих пор не посчитал нужным рассказать мне о том, что тебя мучает. Я понимаю, что эта горечь, каким-то образом, связана со мной. Я делаю тысячу и одно предположение, одно ужаснее другого, а ты, как черепаха в своем панцире, замкнулся сам в себе и молчишь... Даже не хочешь говорить, почему ты так внезапно решил ехать в Казахстан... Оо, Господи... снова пришел, – Анаит посмотрела на Мушега, стоящего в дверях зала.

– Шепчетесь, да? – добродушно смеясь, произнес Мушег. Видно было, что он, действительно, немного пьян. – Можно присоединиться к вам?

– Можно, – глядя на него исподлобья, недовольно произнес Карен. Мушег, легонько покачиваясь, подошел, прислонился к широкому подоконнику, скрестил руки на груди, воинственно вызывающая его поза не соответствовала его бесконечно веселому настроению:

– А ты не смотри на меня так, Карен. Я пришел с миром, а вы... значит... вы встречаете меня в штыки? Не помню, кто сказал. Скажем, это и не важно. Я обидел Анаит, и я пришел признаться ей в своей вине. И попробуйте после этого сказать, что я невоспитанный идиот.

– Ты воспитанный идиот, – с горькой полуулыбкой вздохнул Карен.

– Смотри, кто это говорит, если спросить у моей матери, лучше меня парня нет во всем мире... Но, вот, некоторые гении, в масштабах школы, конечно, все-таки не от большого ума отказываются идти учиться.

– А это, что, очень огорчает тебя?, – рассерженно сказала Анаит. – Тебе какое дело?

С лица Мушега мгновенно исчезла напускная смешливость.

– Ты бы имела право задать такой вопрос, если бы я имел ввиду нас троих, вместе взятых, – сказал он серьезно и замолчал на минуту, давая возможность Анаит «переварить» намек. – Но я говорю только о Карене. Откровенно скажу, ты с неба звезды не доставала. Я тоже не бесталанный, но, в то же время, я очень далек от звезд. А вот он, – Мушег пальцем указал на Карена и снова перешел на иронический тон, за которым, между прочим, становилась заметной искренность того, о чем он говорил. – А вот, он... Он – звезда первой величины... Как выразиться мне, чтоб было понятно и ясно?... В нем есть искра Божья, а именно, искра таланта... Одним словом, есть огонь, человек гениален конкретно, в общем. И каждого честного и порядочного человека должна беспокоить судьба гения, даже если он гений школьного масштаба. И в конце, желаю добавить, что ты, Карен, по отношению к себе – дурак первой величины.

– Послушай, отстань, ты уже надоел, – сказал Карен с отвращением, думая, что в сказанном Мушегом есть доля правды. – Ты что мелешь из пустого в порожнее? Иди, проспись, ты, видимо, много выпил...

Мушег засмеялся:

– Люблю, когда говорят правду в лицо. Ну, ладно, я пошел. Вы очень грустные персоны, с вами можно сдохнуть от скуки. – Он хотел пойти в сторону учительской, но остановился на пол-пути, и, обернувшись, сказал с несдержанной дерзостью. – И, тем не менее, Анаит, ты выйдешь замуж за меня. И знаешь, почему, Карен? Запомни, женщины влюбляются в мужчин со сложным характером, но как мужа, предпочитают... таких, как я... – Не оглядываясь, он зашагал по коридору и вошел в спортзал, плотно закрывая за собою дверь.

Оставшись одни, Карен с Анаит натянуто улыбнулись. Затем Анаит, тайком оглянувшись по сторонам, вдруг, глубоко вздохнув, крепко обняла Карена.

– Что это с тобой? – спросил Карен.

– Не знаю, какое-то плохое предчувствие... какой-то страх подкрался к сердцу и мучает меня...

– Хочешь, уйдем отсюда?

– Уйдем. Куда?

– Пойдем одни встречать рассвет.

Анаит безнадежно посмотрела на него и закрыла лицо руками. Она плакала...

С фотографии, через годы, сейчас на нее смотрел Карен грустным и тоскливым взглядом. Анаит с тоской вспомнила их расставание. Это произошло, спустя два дня после выпускного вечера. Карен уехал, не попрощавшись с родными, как потом она слышала, накануне, он с родителями сильно поссорился. Анаит проводила его и грустная, одинокая, вернулась домой. Мир для Анаит сразу опустел. Ее не увлекал ни голос кукушки, доносившийся со стороны Сарнатуна, ни звонкие призывы зяблика и синицы в ущелье Матура, ни переливы жаворонков среди маков, пламенеющих на полях, – ничего, ничего ее не увлекало, она шла устало и задумчиво, ничего не замечая. Ноги ее повели по знакомой тропинке, прошла мимо знакомого моста, углубилась в лес, дойдя до их родника, закутавшегося среди замшелых камней, села и дала волю слезам. Потом, она снова подумала о Карене. Странно, что Карен уехал, так и не сказав, что же его заставило пойти на этот шаг. Анаит понимала, что у Карена, вероятно, есть веские причины, чтобы ничего не говорить ей, кое о чем она, конечно, догадывалась. В тот день, после вечера, провожая ее домой, Карен, как бы, случайно, полусловом сказал: «Ни по какому вопросу к нашим не обращайся». Анаит застыла на месте, ожидая, что он еще скажет. Но Карен больше ничего не сказал. Она несколько раз пробовала выяснить, что случилось и, вообще, что скрыто за этими словами, но Карен упрямо молчал. Анаит также замолчала, понимая, что Карен не хочет говорить ничего, осуждающего его родителей. Но связан ли как-то с ней его спор с родителями, или нет, Анаит не знала, и это ее угнетало...

Да, Карен уехал, и мир для Анаит, действительно, сразу опустел и потерял свою прелесть. Единственным ее утешением были письма Карена, которые приходили раз в неделю, и даже два раза. Такие дни стали праздничными для Анаит, она брала книги, (готовилась к вступительным экзаменам), и шла в ущелье Матура. Садилась на одну из замшелых скал, под сладостное журчание родника, медленно, вкушая каждое слово, читала и перечитывала письмо ее Карена. Анаит нравились эти письма, не только потому, что писал их Карен, а потому, что они, сами по себе, были интересными, наполненными любовью и нежностью, в отличие от писем Анаит, написанных мелким почерком. Буквы, как жемчужины, были бережно выстроены в ряд на нескольких листах, вырванных из школьной тетради. Карен писал о своих делах, писал о стройке, на которой работал вместе со своим дядей, о товарищах по работе, о том, как тяжело ему без Анаит, что он безумно хочет видеть ее улыбку, слышать ее смех, чувствовать тепло ее рук... Анаит, сидя в одиночестве у родника в ущелье, перечитывала очередное письмо Карена, то смеясь, то плача, потом вставала, умывалась холодной родниковой водой и бежала домой, радостная и легкая как бабочка. А поздно вечером, когда все ложились спать, она включала свет и склонившись над столом, писала ответ на письмо Карена, наполненная теплотой и ожиданием. Писала и сама удивлялась, откуда льется этот поток слов, вытесняющих друг друга.

Однажды, солнечным нежным утром, Анаит вышла на балкон, открыла окно и посмотрела на двор. В дальнем углу двора мать доила корову, парное молоко шумно пенилось и заполняло луженое ведро для дойки. Трехмесячный теленок, с короткой веревкой на шее, с жадностью тыкал мордочкой в разные стороны, мешая дойке. Мать Анаит рукой отталкивала его, но теленок снова и снова совался под корову.

– Анаит, убери в сторону этого дурачка, – позвала мать, – не видишь, мешает?

Анаит засмеялась, бегом спустилась из дома и, схватившись за веревочку, отвела теленка подальше. Полой халата она утерла мордочку теленка и поцеловала в лоб, отчего тот, будто,

воодушевился, желая снова вырваться из рук Анаит, но она привязала его к тутовому дереву и пальцем пригрозила:

– Вот теперь иди, похулигань, дурачок.

Теленок взглянул на нее, надув губы, повернул голову. Анаит улыбнулась и хотела пойти в дом, мать снова окликнула ее.

Когда они сели завтракать, Анаит заметила, что у матери озабоченный вид. Впрочем, она еще вчера заметила это, когда мать вернулась с работы, (она была звеньевой третьей полевой бригады), но девушка не придавала значения, а сейчас ее обеспокоило выражение лица матери. Анаит заметила, как пару раз мать хотела что-то сказать, но, видимо, не осмелилась. Тем не менее, наконец, она спросила, не глядя в сторону дочери:

– Вчера ты опять получила письмо от Карена?

– Да.

– Что пишет, хорошо у него идут дела?

– Конечно, – ответила Анаит, не мигая, глядя на мать и стараясь поймать ее взгляд. Мать, глубоко вздохнув, наконец, взглянула на дочь:

– Дочка, лучше бы ты прекратила эту переписку.

Анаит чуть не выронила из рук чашку с чаем.

– Почему, мама? Тебе не нравится Карен?

– Он, может, мне и по нраву... родители мне не нравятся...

Анаит отпила еще глоток, чувствуя, что чашка дрожит в руке, потом отодвинула чашку:

– А что случилось, мама, что они тебе плохого сделали?

Мать непризвольно собрала со скатерти крошки хлеба.

– Что сказать тебе, дочка, вчера вечером возле колхозного управления я встретила эту Лусик.

– Мать Карена?

– Да. С почты вышла, вижу как-то косо смотрит, подумала, может на почте, или где-то, опять поспорила, она любит спорить. Остановила она меня, вроде, дело есть ко мне. Ты, говорит, уйми свою дочь, пусть нашего парня с пути не сбивает, мол, у него уже год, как есть невеста, учится в институте. Я застыла. Что за невеста, говорю? Выясняется, что она дочь ее дальнего родственника... Имя тоже назвала, я забыла... Да, Астхик ее зовут.

– А потом? – спросила Анаит неожиданно хриплым голосом, чувствуя, как ком подкапывает к горлу, – что потом еще сказала?

– Ну, что должна сказать, дочка? – безнадежно махнула рукой мать – Дочке скажи, говорит, что ее нога не коснется моего порога. Она еще в доме отца нас всех сделала врагами, говорит, вроде, Карен из-за тебя уехал на заработки, и Бог знает, что еще говорила... Несколько человек собрала вокруг себя, от стыда я чуть сквозь землю не провалилась... Лучше бы ты оставила его, дочка, с самого начала у вас все идет, как назло, плохо, а что будет дальше-то? Оставь, пока не поздно. Других парней нет? Смотри, сколько их в селе?

До позднего вечера Анаит бледная, разочарованная и печальная не выходила из дома. А вечером небо вдруг помрачнело, покрылось черными тучами. Она раскрыла окна. Начался дождь, холодный ветер нес свежий запах крапивы, зеленой травы, раскрывшихся цветов, мокрой земли. Дождь все усиливался, шумя в водосточных трубах, стуча по жестяным крышам и широким листьям тыквы на огороде. Волнуясь, небо постепенно прояснялось, то открываясь, вдруг, яркой белизной, то погружаясь в непроглядную тьму. Анаит сидела на тахте, стоявшей на веранде, укутавшись в мамин шерстяной платок, ее взяла дрожь. Когда она поднималась снизу в дом, мать беспокойно посмотрела на нее.

– Холодно, мама, или мне так кажется? – спросила Анаит, глядя на раскрытые окна.

– Нет, не холодно, просто у тебя на сердце печаль... от этого.

– Это неправда, мама, неправда, что у него есть невеста.

– А Карен сам тебе не сказал об этом?

– Это неправда, поэтому и не сказал. Ложь.

– Не ложь, дочка, я это еще в прошлом году слышала. Но значения не придавала. В то время между вами ведь ничего не было. Потом вы начали встречаться, и я подумала, что никакой невесты у него нет, это все разговоры. Но вчера его мать своим языком сказала... А если хочешь знать правду, Карен сам должен был сказать тебе об этом.. А он, видишь, скрыл... Правду говорят, что яблоко от яблони недалеко падает.

– Это неправда, мама, я в это не верю, иначе, он обязательно сказал бы мне, – устало произнесла Анаит и почувствовала, что она это делает с целью убедить саму себя, ибо для нее было ужасно тяжело, тяжело от сознания того, что любовь, ее первая любовь и связанные с нею все лучезарные и дорогие сны пропадали у нее на глазах, и она была бессильна что-либо изменить... Что делать, Боже мой... кому и чему верить... и на кого после этого можно надеяться? В этот день до позднего вечера, и весь следующий день Анаит шагала перед домом взад и вперед, сочиняя то письмо, которое она должна написать Карену. В уме письмо получалось точно таким, каким должно было быть написано, по мнению Анаит, человеку, который обманул остро, беспощадно, и в то же время, с чувством собственного достоинства. Но как только садилась за стол, чтоб доверить все это бумаге, получалось нечто бесцветное и жалкое, а по тону, каким-то унижительным, детским лепетом, а не письмом. Оставалось только омыть слезами. Чего стоит только начало: «Мой любимый, мой дорогой...» От слова «любимый» тошнит, как будто в нем что-то заключается такое... Это слово-лицемерие, слово-пустота...

«Дорогой...» Как будто, есть любовь.

Письмо никак не получалось. Но время, потраченное на него, бесцельно не прошло. К концу дня больше не было прежде жгущего чувства горя. Анаит казалось, что она вернулась с похорон родного человека, и только сердце ее до сих пор ноет от боли. Но Анаит к этому тоже стала привыкать, вернее, заставила привыкнуть, не замечать... А вечером к ней пришла одна из ее бывших одноклассниц, Агнесса, и сообщила, что сегодня в клубе будут демонстрировать новый индийский, бесподобно интересный фильм.

– Пойдем вместе, – сказала Агнесса, – одна не хочу.

– Конечно, идем, – быстро, с воинственной ноткой в голосе, ответила Анаит. Она сказала это таким тоном, что у Агнессы от удивления округлились глаза. – Во сколько начинается?

– В девять. Пол-часа осталось. Что с тобой случилось, Анаит?

– А что должно случиться? Все нормально. Даже, очень хорошо. Значит, осталось полчаса. Успею переодеться. Посиди немного, я сейчас. – Она в спешке сняла с себя халат, надела белое платье, сшитое на выпускной вечер, оторвав от груди и отбросив в сторону белую искусственную розу. Пропади все искусственное, все фальшивое. Быстро причесалась и вышла на веранду, где ее ждала Агнесса. – Пошли.

У входа в клуб стояла группа парней. Оживленно беседовали, смеялись. Среди них были Мушег и какой-то парень, который, видимо, в это время был в центре внимания присутствующих, смеясь, что-то рассказывал и все, глядя на него, тоже смеялись. Посмотрев внимательно, Анаит узнала парня, это был двоюродный брат Карена- Григорий. В первый миг Анаит хотела вернуться домой, но в следующую секунду поменяла решение и направилась прямо в сторону ребят. По всей вероятности, внешность Анаит имела решительный вид, по этому Григорий сразу замолк, а остальные перестали смеяться, и только Мушег продолжал улыбаться, но его улыбка была предназначена Анаит. В итоге, его улыбка тоже угасла.

– Добрый вечер, Анаит, – приветствовал Мушег. – Ты пришла в кино?

– Догадался. А почему нет? Нельзя прийти в кино?

– Я просто так сказал, без задней мысли... – растерялся Мушег. – Я сейчас возьму билет.

– Я не одна, Агнесса тоже со мной.

– Для нее тоже возьму, – обрадовался Мушег и немедленно направился к кассе.

Анаит посмотрела в сторону парней, спросила:

– Гриша, можно на минуту?

– Меня? – удивился Григорий, затем быстро ответил, – Конечно.

Оставив Агнессу одну, Анаит пошла в сторону тутовника, стоявшего посреди клубного двора. Григорий был трактористом в колхозе, а летом работал на комбайне. Он был высоким, стройным парнем, с круглым, добродушным тупым лицом, и к этому лицу была приставлена такая же тупая улыбка. Года два назад он окончил среднюю школу, в армии был танкистом, вернувшись оттуда, сразу пошел к председателю колхоза и сказал:

«В армии я был танкистом, а танк и трактор изготавливают на одном заводе, дай один трактор, буду работать в селе». Председатель принял юмор и не отказал. Григорий своим остроумием не отличался, но так получалось, о чем бы он ни говорил, все, почему-то, смеялись. И никто не мог объяснить эту странную ситуацию. Неспеша, он отошел от парней, бросив недокуренный окурочок на землю и раздавив его ногой, подошел к Анаит.

– Послушай, Гриша, я хочу задать тебе один вопрос. Но обещаю, что этот разговор останется между нами, – начала Анаит. – Обещаешь?

– Э... – сестренка, – почесывая затылок, сказал он, – Гриша никакие обещания дать не может, как я могу обещать, Все знают, и ты тоже знаешь, что слово у меня во рту не держится. Так что, если это секрет, мне не говори.

Анаит открыто улыбнулась над этим чистосердечным признанием.

– Ладно, черт с тобой, я должна спросить, это верно, что у вашего Карена в Степанакерте есть невеста?

– Речь про Астхик?, – вопросом на вопрос ответил Григорий.

– Ее зовут Астхик? – спросила Анаит с волнением, хотя мать ей уже говорила об этом.

– Астхик... Да, есть, вроде такое... Говорят, будто обручили... но правда или нет, мамой клянусь, точно не знаю, нам не сказали.

– А ты не знаешь, зачем Карен уехал в Казахстан?

– Не знаю. Жена моего дяди, то есть мама Карена, говорит, что уехал, чтоб заработать денег на свадьбу. – Он вдруг прервался и с удивлением посмотрел на Анаит. – Подожди, а как же это получается? Выходит, он просто так с тобой гулял, да?

– Так получается... – голос Анаит задрожал. Она резко повернулась и зашапгала в сторону входа в клуб. Мушег стоял там и ждал ее.

– А где Агнесса? – Анаит решительно посмотрела, заметив, что подружки нет. От ее тона Мушег растерялся, покраснел и, переминаясь с ноги на ногу, сказал, что до прихода девушек он уже приобрел билет для себя, а когда пришли Анаит и Агнесса, он отдал свой билет Агнессе, а себе и Анаит купил снова. Правда, Агнесса сядет отдельно, но ничего, у нее доброе сердце, не обидится. Ведь сама Анаит не была бы против того, чтобы они хотя бы один вечер сидели рядом, правда? «А почему бы и нет, один вечер можно», подумала Анаит и неожиданно сказала вслух:

– А почему нет? Согласна, сядем рядом, – ее голос задрожал, как натянутая струна – Сядем рядом, а потом ты проводишь меня до дому, по дороге объяснишься в любви. —

На этом слове она прервалась, заметив, как Мушег со сдержанной улыбкой, спокойно стал рвать билеты в ключья.

– Я тебе в любви объясняться не буду, не бойся, – сказал он. – Хоть ты и считаешь меня легкомысленным, но, тем не менее, наверное, подлым меня не считаешь. Не так?

– О чем ты говоришь, Мушег?, – удивленно прошептала Анаит.

– Мне Агнесса сказала, что у тебя какие-то тяжелые переживания, исходя из того, с каким видом ты подошла к Грише, твои переживания связаны с Кареном. Я не спрашиваю у тебя, что произошло, но и воспользоваться твоей тяжелой ситуацией я также не хочу.

– Ради Бога, прости меня, Мушег, действительно, нехорошо получилось, я по-настоящему потеряла голову.

– И, конечно, не хочешь идти в кино.

– Нет, не хочу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.